

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

общероссийская политическая газета
издается с 25 сентября 2012 г.

Суть времени

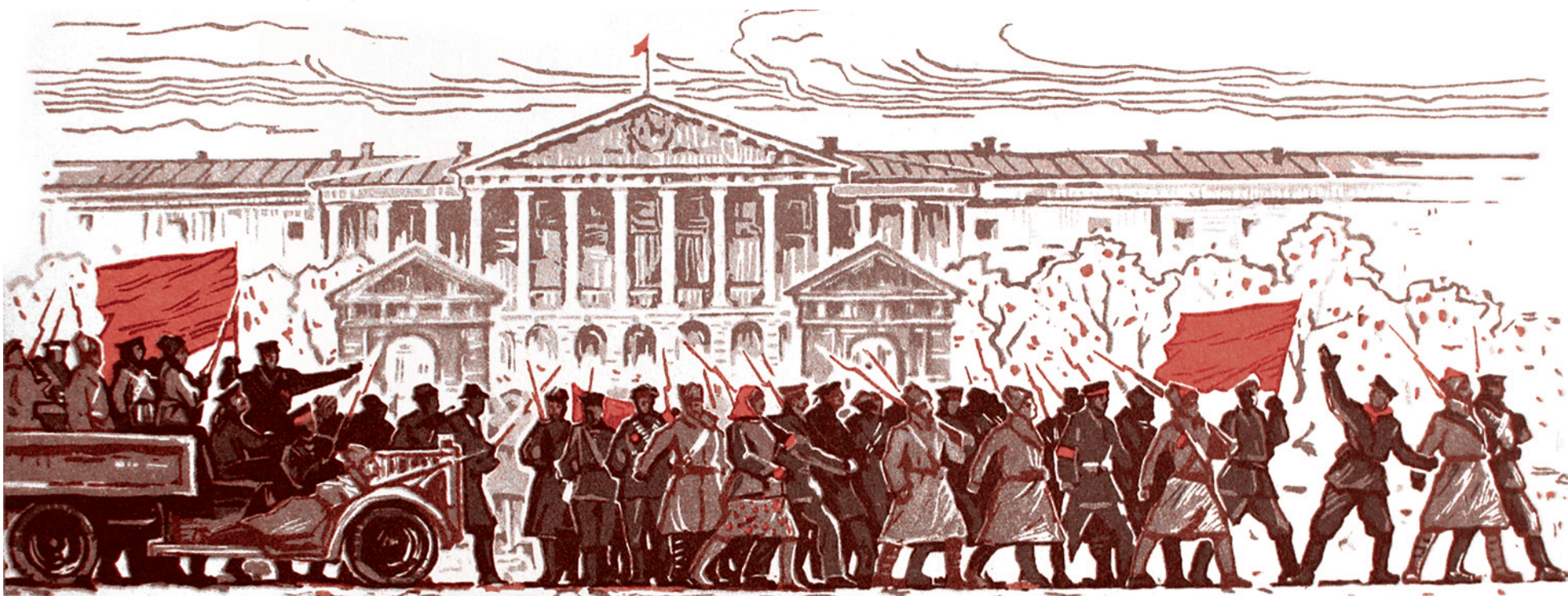
www.eot.su

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени»
Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно
по телефону 8-800-100-97-24 (звонок бесплатный)

7 ноября 2012 г.

№3

С ПРАЗДНИКОМ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ!

Только там, где высшие смыслы соединяют создателей этих смыслов с теми, кто должен влиять на происходящее, удастся добиться эффективности

«Духовной жаждою томим»

Нужны ли стране интеллектуальные клубы? Разумеется, нужны. Нужно ли, чтобы наряду со старыми интеллектуальными клубами, как Валдайский клуб, давно окормляемый Сергеем Карагановым, возникали еще и новые клубы? Изборский клуб, например?

Может ли Изборский клуб – будучи клубом патриотическим и этим существенно отличаясь от давнего детища С.Караганова, обеспечить сдвиг политического курса в сторону, отвечающую стратегическим интересам нашего народа, нашей страны? Очень хочется верить в это. Но для того чтобы выйти за рамки «верю – не верю», нужна модель. Причем достаточно простая и очевидная.

Одна из таких моделей – «черный ящик». Кибернетики называют «черным ящиком» систему, которую изучают, исследуя ее реакции на определенные воздействия. Все, что мы знаем про такую систему, – что на вход подается некий сигнал (в нашем случае – патриотический клуб), а на выходе имеется или отсутствует некий отклик (в нашем случае – изменение политического курса). Итак, система как черный ящик и некий клуб как сигнал, воздействующий на нее. Сигнал на входе... Отклик на выходе... Эффективность...

Можно рассмотреть под этим углом зрения эффективность Римского клуба, эффективность Бильдербергского клуба и так далее. Сразу же предупреджу читателя, что не считаю Бильдербергский клуб мировым правительством, обладающим беспредельным влиянием на решения. Сейчас влиятельность этого клуба так же низка, как и влиятельность его римского собрата. Но когда-то было иначе. Почему? Что делает клубные начинания эффективными и что лишает их эффективности?

Для того чтобы интеллектуальный клуб мог быть эффективным, в него должны входить а) интеллектуалы как производители чего-то этакое и б) другой контингент как потребитель чего-то этакое. Эффективность определяется содержанием «чего-то этакое», а также степенью нужности «чего-то этакое» для тех, кто «этакое» не производит, а потребляет. Потребитель должен быть не просто потребителем. Ему до зарезу должно быть нужно «этакое». Он «этакое» должен впитывать не просто с удовольствием – удовольствия тут категорически недостаточно. «Духовной жаждою томим» – это не про удовольствие сказано. И не про инструментальное использование интеллектуальных продуктов.

Когда-то я посещал один патриотический клуб, имевший очень правильную организационную структуру. Одна крупнейшая корпорация создала институт, выпускающий интеллектуальные продукты. Институт решил привлечь на клубной основе сторонних интеллектуалов и обеспечил необходимый для этого клубный климат со всеми его слагаемыми: доброжелательность, приветливость, роскошь человеческого общения... Но работники института и сторонние интеллектуалы, заходящие на институтские посиделки, – это еще не клуб. Клуб – это потребление интеллектуального продукта теми, кто остро нуждается в этом продукте. Это трансформация потребителя под воздействием продукта. И это цепь последовательных продуктов и трансформаций: продукт – трансформация – новый продукт – новая трансформация... и т.д.

Естественным образом, потребителем интеллектуального продукта было руководство самой корпорации. Подчеркну, что

это руководство вело себя крайне грамотно и доброжелательно. Оно и узкие обсуждения устраивало... и широкие – с привлечением международной общественности... Только вот ничего трансформационного из данного благолепия не приистекало. То есть – совсем ничего.

На протяжении нескольких месяцев я искренне пытался помочь данному начинанию. Ибо был убежден в патриотичности затеявших его людей. И вдобавок впечатлен системностью мероприятий, осуществляемых этими людьми. Но помогать, в моем понимании, означает выявлять и устранять все то, что мешает эффективности. Пытаясь выявить природу неэффективности, я не придирался к авторам начинания. Зачем? Напротив, мне искренне хотелось приободрить авторов. Патриотических начинаний данного типа было очень и очень мало. Люди, затеявшие это начинание, были мне симпатичны. Никаких деловых отношений между мной и этими людьми не было (этим я отличался от других интеллектуалов, привлеченных к данному начинанию). Короче, я всего лишь хотел этой самой эффективности. И понимал, что если она возникнет, то я сумею этим воспользоваться. Не прямо, разумеется, а косвенно: новый политический климат... новые запросы в рамках этого климата... Кроме того, в подобных случаях я и впрямь не слишком беспокоюсь о том, что именно принесет мне превращение неэффективного начинания в эффективное. Мне просто интересно добиться решения поставленной задачи. И я злюсь, когда не могу добиться этого.

Увы, шло время, а эффективность вопле правильного со всех точек зрения начинания не возрастала, а падала. Наконец, мне

удалось поговорить с главным спонсором и инициатором данного начинания. Вопрос мой был прост: «На фигу козе баян, а Вам – все эти интеллектуальные продукты?»

Ответ был столь же прост. Мой собеседник рассказал, как именно он уставал от рутины много лет назад. Как сох от этой рутины его мозг. И как он, дабы не иссохнуть вконец, нанял за большие деньги очень умную и образованную гувернантку. И стал заниматься с нею французским языком.

Параллель, проводимая моим собеседником между его давним обращением к гувернантке и сегодняшним клубным начинанием, была очень откровенной, абсолютно конкретной. Собеседник не увиливал, не кокетничал. Он четко и сухо формулировал суть дела. На его клуб я, естественно, перестал ходить. А вы бы не перестали?

Духовной жаждою томим... Вот формула эффективности интеллектуально-политических клубов. Говорю о том, что знаю не понаслышке. Только там, где высшие смыслы соединяют создателей этих смыслов с теми, кто должен влиять на происходящее, удастся добиться эффективности клубных начинаний. Но тогда они перестают быть клубными. А создатели высших смыслов превращаются из особых «гувернанток» («подпитчиков», «развлекателей» и т.д.) – в нечто совсем другое. В результате возникает единство проекта и субъекта. То есть то, чего так не хватает нашей многострадальной Родине. И что так трудно создать в отсутствии жаждущих.

Сергей Кургинян

ОТ РЕДАКЦИИ

Что такое секта? Разные направления внутри одной конфессии очень любят обвинять друг друга в сектанстве. Кем были ранние христиане? Для окружающих они, конечно же, были сектой. И так, сегодня – секта, завтра – мировая религия?! Конечно, далеко не все секты становятся мировыми религиями. Но в каком-то смысле все мировые религии вначале были сектами. Так что же такое секта?

Секта – это очень плотная группа, яростно отстаивающая свою веру и готовая организовывать свою реальную жизнь согласно нормам вероучения. Вот и все.

Общеизвестно, что Митт Ромни – мормон, более того – епископ мормонской секты. Высокопоставленный служитель секты – возможный президент сверхдержавы. Никто по этому поводу не вопит истошно, не правда ли?

Зато истошно вопят по поводу того, что «Суть времени» – это секта. Понятно, что надрываются по этому поводу наши политические враги. Но все ли члены «Сути времени» осознают в полной мере бредовость этих вражеских обвинений?

Руководитель «Сути времени» Сергей Кургинян постоянно говорит о том, что «Суть времени» отстаивает четыре основных принципа.

Первый принцип – мы любим СССР.

Чубайс сказал, что он ненавидит СССР. Да, именно ненавидит. И тогда же мы сказали, что противостоят врагу, который честно признается в том, что руководствуется ненавистью, можно, только опираясь на любовь. Если у вас в душе этой любви нет, враг, который черпает силы в ненависти, обязательно вас сокрушит. В политике побеждают те, у кого есть настоящая страсть. Политика – это не арифметика интересов. Это высшая математика высоких страстей. Это управление общественными энергиями, то есть потоками нагретой эмоциональной лавы. Любовь абсолютно необходима. И конечно же – категорически недостаточна.

Отсюда наш второй принцип – мы готовы рационально обосновывать клеветнический характер обвинений в адрес СССР.

Мы готовы спокойно и компетентно отстаивать наше историческое достоинство. Именно это мы и делали в ходе телевизионных передач «Суд времени» и «Исторический процесс». Если бы мы только эмоционально надрывались, восклицая: «Не смейте хулить любимое!», – разгром советских ценностей, идеалов, принципов, норм был бы завершен. Но добывая подлинное сведения, оперируя настоящими цифрами и архивными данными, мы разгромили врага.

Итак, любить и компетентно отстаивать любимое. Вот два принципа, которыми мы руководствуемся.

Третий принцип – преемственность.

Наш враг в ходе передач «Суд времени» и «Исторический процесс» мгновенно переходил от демонизации Сталина к демонизации всей советской истории. А от демонизации всей советской истории – к демонизации истории имперской. А дальше – к демонизации всей русской истории – Александра Невского, например. И в итоге – к демонизации русского духа: раз история так скверна, то и дух, ее создавший, чудовищен. Мы не ограничиваемся отстаиванием СССР. Мы абсолютно уверены в том, что величие СССР, советского Красного проекта обусловлено величием всей русской истории. Свообразием русской культуры, русской социальной жизни, русского духа. «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет...», – писал Пушкин. И мы твердо уверены в том, что Советский Союз, великий советский Красный проект есть квинтэссенция величия русского духа. Более того, мы можем обосновать эту позицию. Сформулировать, что конкретно связывает великий русский дух с коммунистическим идеалом.

Четвертый принцип – радикальное обновление.

Мы любим СССР, мы восхищаемся его величием. Но его нет! Его нет уже более двадцати лет. И мы должны объяснить людям, почему его нет. Мы не можем все свести к козням злых сил, как внутренних, так и внешних. Конечно, против СССР и советского Красного проекта велась война на уничтожение. И войну эту вели очень мощные силы. Но почему они победили в этой войне, а мы эту войну проиграли? Да, США мобилизовали против нас огромные силы. Но ведь и мы отвечали тем же. Да, ЦРУ сознательно и сосредоточенно подрывало устойчивость сверхдержавного конкурента. Но ЦРУ и обязано было это делать. А что делал КГБ?

Коммунисты XXI века обязаны, продолжая отвечать на вызов эксплуатации, ответить еще и на вызов отчуждения

ЧЕТЫРЕ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПА

Ленин на о.Капуи играет в шахматы с Богдановым. 1908 г., между 10 (23) и 17 (30) апреля. На заднем плане (слева направо) И.П.Ладьяжников, большевистский издатель, Максим Горький, приемный сын Горького З.А.Пешков, жена Богданова Н.Б.Малиновская (Корсака)

Наши враги говорят, что СССР умер в силу несостоятельности заложенных в него принципов. Мы говорим, что СССР убили. И доказываем это. Но если СССР убили, значит, его хранители проявили – наряду с отвагой, самопожертвованием, творческой силой – еще и какую-то слабость. Причем, достаточно фундаментальную.

И что же? Мы восстановим СССР с невероятным трудом – и все фундаментальные слабости тоже будут восстановлены? И страну опять уничтожат? Этого нельзя допустить.

Значит, нужно найти источники слабости внутри советского Красного проекта и обновить этот проект настолько радикально, чтобы внутри нового проекта их уже не было. Когда мы говорим об СССР 2.0, мы имеем в виду именно это. Когда мы говорим о проекте Сверхмодерн как наследнике классического Красного проекта, мы опять же имеем в виду именно это. Потому что, по сути своей, Сверхмодерн – это Коммунизм 2.0.

Настаивая на этом, мы вновь и вновь предлагаем читателю определение коммунизма.

Коммунизм – это раскрепощение и пробуждение высших творческих способностей в каждом человеке.

Коммунизм в XIX и XX столетиях делал акцент именно на раскрепощении высших творческих способностей в каждом человеке. Именно с этих позиций коммунизм воевал с капитализмом, а также с другими эксплуататорскими укладами. Коммунисты считали, что эксплуатация в эксплуатируемых «убивает Моцартов» – они были убеждены, что в каждом человеке «есть Моцарт», то есть высшие творческие способности. Но эксплуататоры закрепощают эксплуатируемых, не позволяя этим творческим способностям развернуться. Наиболее полно это отражено у Маркса в его концепции отчуждения. Именно отчуждения, а не одной лишь эксплуатации. Маркс был убежден, что эксплуатация порождает отчуждение, но что отчуждение еще страшнее эксплуатации.

Можно накормить эксплуатируемого, поделить с ним частью прибыли, особенно же – сверхприбыли, получаемой от эксплуатации так называемых периферийных капиталистических стран. Но если при

этом эксплуатируемый окажется отчужден от средств, позволяющих ему Восходить, осуществлять свое высшее предназначение – ситуация будет еще более скверной, нежели при обычной капиталистической эксплуатации. Ибо голодный и обездоленный еще обладает страстью к соединению с высоким огненным идеалом. А отчужденный может вообще потерять эту страсть. И оказаться гибридом машины и зверя.

Коммунисты XIX и XX веков боролись с эксплуатацией, ибо эта эксплуатация носила очень страшный характер. Чтение исторических источников позволяет увидеть и понять, что такое настоящий капитализм, не надевший еще на свою вольчью морду маску социального партнерства. Надета же эта маска была только потому, что капитализм испугался советского Красного проекта. Сейчас капитализм пытается снять маску и вернуть себе полноценную вольчью самость. Пока что в Европе и США этому противостоят массы, способные отстаивать свои завоевания.

Наши массы не сумели отстоять огромных завоеваний, полагая по наивности или доверчивости, что завоеванное никогда не может быть отнято. Теперь у наших масс это отнимают с нарастающей беспощадностью. Массы же, не имея опыта каждодневной борьбы за свои права, пребывают по-прежнему в особом потребительском полусне. Ибо потребительство может быть как тучным, так и тощим. Становясь тощим, оно не перестает быть потребительством.

Коммунисты XXI века обязаны, продолжая отвечать на вызов эксплуатации, ответить еще и на вызов отчуждения. Они обязаны понять, что ответ на вызов отчуждения потребует глубокого обновления идеологии. Задействования всех возможностей, которыми коммунистическая идеология располагала, но которые по тем или иным причинам отбросила. Только тогда Коммунизм 2.0 станет реальностью. Только тогда возникнет возможность реализации нового Красного проекта – проекта Сверхмодерн.

Конечно же, задействовать имевшиеся и отброшенные возможности – недостаточно. Нужен смелый прорыв в будущее. Но такой прорыв невозможен без полноценного диалога с прошлым.

В своей книге «Суть времени» Сергей Кургинян предложил и то, и другое. И диалог с отброшенным коммунистическим прошлым, и – прорыв в будущее. При этом Кургинян постоянно призывает к максимальному расширению теоретической базы. То есть к тому, что никоим образом не совместимо ни с каким сектантством. Кургинян и его соратники из «Экспериментального творческого центра» действуют в этом направлении уже более двадцати лет. Все началось с книги «Постперестройка», в которой Кургинян, обсуждая отброшенные классическим коммунизмом возможности, упомянул Александра Александровича Богданова. А также группу богостроителей (Горький, Луначарский и другие).

С тех пор Кургинян постоянно подчеркивает, что вовсе не считает Богданова теоретиком масштаба Маркса или даже Ленина. Что отнюдь не солидаризируется с Богдановым по всем вопросам. Что, адресуясь к Богданову, он расширяет теоретическую базу и оберегает движение «Суть времени» от сектантства, то есть от умонастроения, при котором вся истина якобы содержится в одной книге «Суть времени». Кургинян подчеркивает, что он апеллирует только к отдельным идеям Александра Богданова. Причем с такими же оговорками, с какими он апеллирует к отдельным идеям Эриха Фромма и Макса Вебера. Что он, Кургинян, и с Фроммом согласен далеко не во всем, и с Вебером, и – с Богдановым. Но и – что заикливание на ущербно понимаемой марксистской классике не совместимо с новым Красным проектом, не позволяет ответить на вопрос о долговременных причинах краха советского Красного проекта, не открывает дорогу в будущее.

И вот что интересно. Каждый раз, когда Кургинян, делая многочисленные оговорки, все же отсылает к Богданову, раздаются особенно истошные негодующие вопли. В адрес Богданова – человека умеренного, суперрационального, почти либерального и по всем этим причинам не слишком Кургиняном ценимого – выдвигаются чудовищные обвинения. Враги смертельно боятся того, что что-то из идей Богданова будет привнесено в новый Красный проект. Почему они этого боятся? Потому что именно в этом случае новый Красный проект приобретет историческую состоятельность, способность отвечать на главные вызовы XXI века.

Сказанное не означает, что все идеи Богданова принадлежат XXI веку. Напротив, многое из того конкретного, что Богданов создал, предельно обусловлено тогдашним уровнем знаний о человеке и человечестве. И в новых условиях должно быть радикальным образом пересмотрено. И, тем не менее, нечто, высказанное Богдановым, не утратило решающего значения. И именно потому Богданов столь яростно дискредитируется врагами. Именно потому каждое упоминание Богданова порождает, если можно так выразиться, многовекторные политические истерики – которые закатывают и коммунистические ортодоксы, и псевдонационалисты, и либералы.

Пытаясь понять, в чем дело, мы открываем книгу Александра Эткинда «Эрос невозможного». Эткинд – один из самых яростных антикоммунистов. В этом он вполне сопоставим с Николаем Сванидзе или Анатолием Ракитовым. Вот что Эткинд пишет в своей книге «Эрос невозможного»: «Программная книга А.А.Богданова, единственного серьезного теоретика среди большевиков (и психиатра по образованию), под точным названием «Новый мир» начиналась с эпитафий из Библии, Маркса и Ницше. «Человек – мост к сверхчеловеку», – цитировал Богданов и продолжал от себя: «Человек еще не пришел, но он близок, и его силуэт ясно вырисовывается на горизонте». Шел 1904 год».

Итак, антикоммунист Эткинд прямо указывает на то, что Богданов особенно опасен, по его мнению, тем, что может воскресить коммунизм. Именно в этом смысле фразы Эткинда «Богданов – единственный серьезный теоретик среди большевиков». Конечно, Богданов – не единственный серьезный теоретик. Но почему антикоммунисты (а у таких, как Эткинд, есть очень компетентные соратники и последователи), страшась воскрешения коммунизма, считают особо опасными именно богдановские идеи?

Чем опаснее Богданов для них – тем он интереснее для нас. Чем же? Об этом – в следующей редакционной статье.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Зачем внушать социальному организму под названием Россия ложные надежды?

Трясина

Новая книга Александра Проханова называется «Поступь русской Победы». 29 октября в галерее Глазунова прошла презентация этой книги. Выступая на презентации, я еще раз сказал о тех качествах Проханова, которые вызывают глубокий отклик в моей душе.

Прежде всего, следует говорить о мировоззренческой широте Проханова – одновременно почвенника и технократа. Это дорогого стоит, поверьте.

Кроме того, Проханов демонстрирует невероятное трудолюбие. Что такое издавать газету двадцать лет в условиях хронического недофинансирования и непрекращающейся травли, понимает только тот, кто сам хоть сколько-то причастен к такому невероятно трудоемкому занятию.

Организационный талант Проханова... Его человеческая широта... Его заинтересованность не только в «себе любимом»... Его человеческая страстность... Обо всем этом я говорю не в первый раз.

Но отдавая должное всем этим высоко ценимым качествам, я считаю недопустимой этакую «некритическую трепетность» во всем, что касается идей Проханова, его образов, его прогностики, его оценок et cetera. Ибо подобная некритическая трепетность превращает живого ищущего человека в экспонат музея. Вряд ли этого может хотеть сам Проханов.

Кроме того, ситуация в России крайне тяжелая. В такой ситуации острое обсуждение сути происходящего – единственное средство спасения от неминуемой гибели. А острое обсуждение заведомо адресует к полемической рефлексии. К сожалению, в России стремительно исчезает сама возможность такой спасительной рефлексии. Поэтому что нельзя полемизировать – да еще в сложнейшем рефлексивном ключе – с существами бляющими. Каковых становится все больше. Ведь не с Гонтмахером же полемизировать! И не с Юргенсом! И не с Павловским! И не с Белковским и Радзиховским!

Моя политическая рефлексия на очень страстный текст Проханова начинается с обсуждения занятой Прохановым политической позиции. Тут весьма существенно то, что Проханов занял эту позицию искренне и бескорыстно. Зная Проханова, я просто убежден в этом. Проханов занял данную позицию в силу страстности и увлеченности, свойственной его художественной натуре. И я это приветствую. Ведь все вокруг проникнуто смертным духом безразличия. А значит, сама небезразличность Проханова намного важнее объективности тех или иных его суждений и выкладок.

Констатируя это, я не уцениваю аналитический дар Проханова. Я помню его блестящие аналитические статьи, такие как «Трагедия централизма». Сталкиваясь с острой, очевидно мерзостной ситуацией, Проханов становится сух и конкретен. Это не лишает его тексты образности. Просто образность встает на свое место и дополняется пронзительным реализмом. В других же ситуациях, не столь для него страшных и очевидных, Проханов извлекает образность не из реальности, а из чего-то другого. И какая-то часть прохановского творческого естества в этом случае смеется над создаваемой образностью. Что, в сущности, и является специфическим отличием постмодернистской литературы. В этом смысле, на другом полюсе прохановской публицистики – запомнившийся мне классический прохановский постмодернистский текст. Воспроизведу его как условно стихотворный текст, текст-заклятие:

*«Дума,
Стреноженная,
Посаженная на цепь,
Бьетса головой о дубовые стены стойла».*

Проханов хотел похвалить Думу, в которой нечто изображал близкий еще ему тогда Г.Зюганов. Но похвалить он ее не мог. Поэту он и хвалил, и саркастически комментировал собственную похвалу одновременно. Уверю вас, что я не навязываю данному тексту избыточных художественных свойств.

Поразмышляв о предыдущих текстах Проханова, приведу кусок из его нового произведения «Поступь русской Победы»: *«Сегодняшняя Россия напоминает дивизию, которая идет через болото. Кругом непролазная топь, войскам предстоит выйти на твердую землю и развернуть свое наступление. Танки тонут в липком месиве, уходят под воду, пуская тяжелые пузыри (ну как не вспомнить про бедную Думу, посаженную на цепь! – С.К.). Орудия увязают в кислой едкой жиже... Кто-то проваливается в трясины и падает в пучину. Одного удалось спасти, а другой так бесследно ушел под зеленую ряску».* Дальше Проханов описывает великого командира, спасающего дивизию от паники. Музыкантов, знаменосца. И пишет: *«С каждой верстой все меньше остается воинов и солдат. Но – вперед, вперед, вперед и только вперед!»* И добавляет: *«Дивизия пройдет этот страшный участок своего боевого пути, выйдет на твердь, и машины, гремя огнем, сверкая блеском стали, пойдут в свой яростный поход. И достигнут своей цели. И одержат Победу».*

Самое пакастное занятие на свете – смаковать гибельность той или иной ситуации, внушать участникам происходящего ощущение тягостной безнадеги. В этом смысле Проханов занимается очень важным и нужным делом. Он говорит людям, близким к отчаянию: «Ништяк, мужики, прорвемся, верьте в победу».

Вера в победу сама по себе имеет огромное созидательное значение. Но представьте себе, что у вас тяжело заболел близкий вам человек. Что речь идет об очень тяжелой болезни. Как вы будете в этом случае действовать? Вы, конечно, сделаете все возможное для того, чтобы внушить этому человеку надежду на выздоровление. Более того, вы увеличите шансы на выздоровление и будете правы. Но если вы при этом скажете человеку, у которого страшное заболевание: «Надо только помучиться, попить вот эти горькие лекарства, проявить стойкость – и ты выберешься из пучины болезни на твердую почву», – то что сделает человек, которому вы все это внушаете? Человек этот будет в точности пить горькие травы, терпеть нарастающую боль, гордиться своим терпением и стойкостью – и загигает. Пока не загигает.

Если вы священник, придающий позитивный характер неизбежной кончине больного, – это одно. А если вы врач – это другое.

Если вы врач, то вы обязаны предоставить больному точный диагноз. И при этом не раздавить больного этим диагнозом, а сказать ему: «Ваше положение чудовищно.

Но из такого положения иногда выбирают. Таким-то и таким-то образом. Вы – сильный человек, вы можете это попробовать. Но мобилизуйтесь до предела, осознайте ужас ситуации и пускайтесь осознанно во все тяжкие. Альтернатива – неминуемая и скорая гибель. Вы не имеете права не использовать шансы на спасение. Поверьте, они невелики, но они есть».

Иначе себя ведут, только со слабыми. И тут перед каждым из нас такая альтернатива, что зашатаешься. Признаем ли мы Россию слабым больным, которого надо уже только утешать? Или мы все-таки считаем Россию хотя и страшно больным, но очень сильным созданием, которое надо мобилизовать? И, не раздавивая тяжестью диагноза, говорить мобилизующую правду о том, что ситуация почти безнадежна? В этом «почти безнадежна» могут быть два акцента: на слове «почти» и на слове «безнадежна».

Естественно, что все, кто хочет спасти Россию, делают акцент на слове «почти». И говорят: «Поймите, наша ситуация почти безнадежна, но не абсолютно безнадежна». А те, кто хочет Россию сломать окончательно, ставят акцент на слове «безнадежна» и говорят: «Точка невозврата переидена, шансов нет, любая другая констатация – это сладкая ложь», – и так далее.

Мы пытаемся мобилизовать Россию, говоря ей горькую правду и одновременно внушая воодушевляющую надежду («Да, шансов очень мало, но они есть»). Наш политический враг хочет Россию демобилизовать и ослабить, объяснив, что ее положение безнадежно. Мы боремся с этим врагом, и вдруг на театре этой политической войны появляются утешители, которые говорят, что мы уже почти победили, что нам осталось потерпеть – и победа придет. Каковы неизбежные последствия такого расклада сил?

Первое неизбежное последствие – мы вдруг обнаруживаем себя чуть ли не в одном лагере с врагами России, навязчиво вещающими о безнадежности ее нынешнего положения.

Второе неизбежное последствие – все крайние формы бесконечно дискомфортной мобилизации оказываются обесценены. Если мы уже почти вышли из бедственного положения, то зачем со зверской силой рвать пупок? Это ведь только на печатных полосах романтично выглядит: «крайние формы нелинейной мобилизации». А в жизни это пахивает такой жутью, такими надрывами, что при малейшей возможности любой вменяемый социальный организм пошлет это все на три буквы и будет прав. Зачем внушать социальному организму под названием Россия

ложные надежды? Для того чтобы больной послал на три буквы врача, предлагающего и впрямь жуткие средства спасения от неминуемой смерти?

Третье последствие, столь же неизбежное, как и два предыдущих, – столкновение утешительных образов с неутешительной реальностью. Пока одни будут рассуждать о знаменах и знаменосцах, болотных чертях и неутешительных солдатах, суровом вожде, спасающем от паники и т.п. – другие будут рассказывать о несуровых средствах, выделяемых на строительство стадиона «Зенит», о хищениях в «Оборонсервисе», о вороватых олигархах, о реакции общества на обвинения в «жлобстве» и т.п.

Столкновение утешительных романтических образов с подобной прозой жизни вполне прогнозируемо по своему результату. В любой дискуссии эпохи резкого обострения романтические утешительные образы всегда проигрывают приземленной реалистической прозе. Мы это все уже проходили. Легко поэту говорить: «Тьмы низких истин нам дороже / Нас возвышающий обман», – но в острых ситуациях работает иная логика. Вы говорите о знаменосцах и суровых вождях – а вам такое впаривают, что общество начинает хохотать, порою даже против своей воли. Это называется борьбой ложного социализма с карнавальщиками. Нельзя выстоять, начав заниматься утешительностью. Как бы вы ни были авторитетны для больного – у вас нет монополии на диагноз: к больному придут другие диагносты и расскажут все – «от и до». А у больного – жуткие боли. И он понимает, что «того»... В этой ситуации он кинется к кому угодно, но только не к утешителю.

Вопрос: какова роль утешителя, если в результате его деятельности больной от него кинется к киллеру?

И еще вопрос: ведь это все мы уже проходили в конце 80-х. Неужели мы хотим это повторить, зная, что враг прямо говорит о перестройке-2, а также о карнавале-2 и так далее?

И еще вопрос: если «танки тонут в липком месиве и уходят под воду, пуская тяжелые пузыри», если «люди проваливаются в трясины и падают в пучину», если «с каждой верстой все меньше остается воинов и солдат», если «повсюду обрубки ног, рук, изрезанные, израненные тела», – то как должен выглядеть прогноз развития ситуации? Нужно посчитать, сколько танков утонуло при прохождении одной версты трясины, сколько людей провалилось в нее за одну версту пути – и ответить на вопрос: «Сколько верст предстоит двигаться по трясины?» Предположим, что этих верст 100. И на каждой версте мы теряем одну сотую личного состава и две сотни бронетехники. С чем мы выйдем на твердую почву?

И кто нам ответит на сухие вопросы: углубляемся ли мы в трясины или нет? Ведь для этого надо измерить глубину трясины, не правда ли? – и сказать, углубляется ли она с каждой верстой пути. Если трясина сначала имеет глубину километр, а через пять верст – девятьсот метров, то мы можем провести хотя бы линейную экстраполяцию (или, если мы профессионалы, построить сплайн-функцию по нескольким точкам) и сказать: если за пять верст глубина трясины изменилась на десять процентов, то за пятьдесят верст глубина трясины может стать нулевой и мы выйдем на твердую почву. Но если через пять верст пути глубина трясины увеличилась – что тогда? Или если эта глубина уменьшилась на один метр?

Итак, мы должны постоянно мерить глубину трясины. И, соответственно, прокладывать путь.

Но главное, мы должны очень твердо знать – что это за трясина. Ибо трясина – это всего лишь образ. А нам нужны такие интеллектуальные метафоры, которые, сохраняя образность (а значит, и идейную энергетику), позволят нам одновременно получить аналитическую модель. Этим мы и займемся.

Александр Андреевич Проханов

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВОЙНА

На нашу нефть – раз мы столько экспортируем – очень многие «облизываются»...

Большая энергетическая война

Часть II. Другие и мы: чем располагаем?

Если у серьезного специалиста спросить: «А сколько в мире есть нефти, газа, угля, урана и т.д.?» – он честно ответит, что никто в точности этого не знает.

Почему? Причин несколько.

Во-первых, человечество все-таки умнеет. И создает новые технологии выявления месторождений, новые технологии добычи и переработки сырья. И потому это самое «сколько есть» все-таки неуклонно растет.

Во-вторых, для специалиста вопрос «сколько есть?» звучит неправильно. И он обязательно станет его уточнять, и задаст кучу встречных вопросов.

Он спросит, что именно вы имеете в виду?

Сколько есть – при сегодняшнем уровне геолого-геофизической изученности территорий?

Сколько есть – при сегодняшних технологиях добычи?

Сколько есть – при сегодняшних спросе на сырье и ценах на глобальных рынках?»

В-третьих, специалист объяснит, что в мире давно идет тихая и громкая война за энергоресурсы. И потому большинство из тех, кто о реальном количестве ресурсов что-то новое узнает, эту информацию так или иначе либо скрывает. Либо – нужным для себя образом препарирует, впаривая конкурентам ложную информацию. То есть действует в точности так, как во время холодной войны действовали профессионалы, пудрившие мозги врагу насчет реальной ситуации в сфере своих военных технологий. Например, американская программа «Звездных войн», задурившая нам голову во времена Рейгана, стала мощным оружием против нас. Спровоцировав СССР на экономически неподъемный (и совершенно не нужный) раунд гонки вооружений.

В-четвертых, очень большую часть энергоресурсов в современном мире разрабатывают государственные корпорации. И государства, которые с полным основанием считают эти ресурсы стратегическими, данные об их запасах, а иногда и о масштабах добычи – до сих пор строго засекречивают.

Конечно, для ответа на вопрос «сколько» существуют научные (разумеется, на уровне сегодняшнего развития науки) способы определения границ: не менее такого-то количества, не более такого-то количества. Например, для определения «границы снизу» есть (с определенной оговоркой на возможные фальсификации) достаточно строгое понятие «доказанные запасы», или «резервы» сырья. Что это такое? Я называю, к примеру, определенную цифру запасов какого-либо сырья. Какую часть из этих запасов можно называть доказанной? Согласно международной классификации, только ту часть, по отношению к которой в существующих условиях (применяемых методах добычи, реальной рыночной конъюнктуре и т.д.) можно утверждать: «Мы добудем это количество сырья с вероятностью 90%».

Бывает так, что для добычи нефти на определенном месторождении с определенной глубины (а уже выявлено, что она там «в принципе» есть) потребуется – при существующем уровне технологий и цен – затратить столько же (или больше) энергии, сколько можно получить от извлеченной нефти. И тогда, хотя эта нефть физически есть – это оспорить невозможно, но в сегодняшний ответ на вопрос «сколько в мире есть нефти» ее включать нельзя.

А если нельзя, но очень хочется? Если от того, включена ли эта нефть в резервы или же находится в категории ресурсов разной степени доказанности (а ведь на то, чтобы ее обнаружить, уже истрачены огромные деньги и труд), зависит судьба нефтяной корпорации? Если от решения «включить или не включить в резервы», зависит, продолжит ли корпорация расти или объявит себя банкротом? Тогда можно чуть схимичить и записать часть ресурсов в резервы. На эту тему в мировой нефтяной отрасли скандалы – каждый год! А раз такие скандалы есть – разница между «не менее» и «не более» обязательно «плышет».

Но ведь вопрос «сколько есть в резервах» проблему не исчерпывает. На него накладываются дальнейшие вопросы:

- сколько есть в резервах и сколько в ресурсах, и насколько перспективны ресурсы?
- где и у кого есть?
- какого качества?
- как взять и доставить потребителю?
- сколько добывается и уже добыто?
- сколько прибывает в резервах и ресурсах, где и за счет чего?
- как будут выглядеть завтрашние и послезавтрашние «есть» и «осталось»?

По каждому из этих вопросов налицо не только множество оговорок и сомнений, но и заведомая сознательная «недопрозрачность» в ответах, которые дают те, кто действительно что-то знает. Именно это и предопределяет широкие возможности (и масштабы) использования мифов и фальсификаций в холодной энергетической войне.

Начнем разбираться в этих вопросах с нефти.

Уже после Второй мировой войны некоторые авторитетные специалисты, глядя на быстрый рост добычи нефти, прогнозировали, что ее доступные резервы очень скоро подойдут к концу. В частности, американский геолог Мэрион Кинг Хабберт еще в середине 50-х годов XX века сформулировал так называемое правило пика (относящееся, впрочем, не только к нефти, а к любым невозобновляемым ресурсам). Правило пика гласит:

- добыча начинается с нуля;
- добыча повышается до пика, который никогда не может быть превзойден;
- как только пик пройден, наступает падение добычи, пока ресурс не будет исчерпан.

Оспорить «правило Хабберта» пока никто не смог. И с тех пор по всем полезным ископаемым, а затем и по многим другим ресурсам (от площади освоенных сельскохозяйственных земель до рыбных ресурсов океанов) постоянно публикуются и оспариваются оценки: пик уже пройден или еще предстоит, и что человечеству делать после пика, по мере исчерпания ресурса?

Здесь я считаю важным подчеркнуть, что именно на применении «правила Хабберта» строились те расчеты, которые позже породили:

- понятие «глобальная проблематика»;
- череду национальных и международных организаций (в том числе, знаменитый Римский клуб), которые должны были искать и предлагать миру решения для «глобальной проблематики»;
- доклады Римскому клубу, начиная с доклада «Пределы роста», написанного супругами Медоузами и имевшего огромный резонанс;
- концепцию «Устойчивого развития», которая предлагала различные пути ограничения этого самого роста. И стала одним из самых сильных инструментов ведения энергетической (и в целом экономической), а также социально-демографической и т.д. войны.

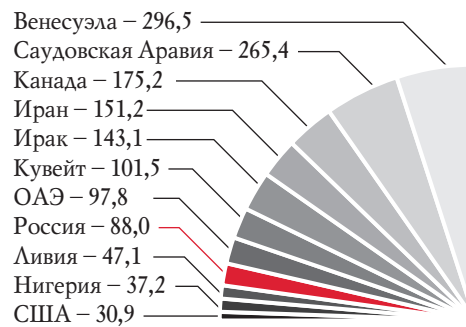
Но вернемся к нефти.

Ее совокупные мировые резервы, которые называют по итогам 2011 г. разные организации и специалисты (Международное энергетическое агентство, «Бритиш Петролеум», эксперты «Голдман Сакс» и др.) оцениваются на уровне от 1,2 до 1,4 трлн баррелей (баррель – 159 литров, в тонне нефти в среднем около 7,4 баррелей – это зависит от сорта). А мировая добыча нефти в последние годы составляет (тут все более точно) в среднем около 84 млн баррелей в день (30,7 млрд в год). Отсюда легко подсчитать, что существующих мировых резервов хватит примерно на 40 лет.

Но это – «в принципе». А в реальности? У кого-то этой нефти, скажем так, залеяся, а у кого-то совсем нет. Но нужна она всем. И это – первая «болея точка», вокруг которой разворачиваются энергетические войны.

У кого же есть нефть, и сколько?

Если верить последнему (за 2012 год) докладу «Бритиш Петролеум», то сегодняшний мировой состав «первой десятки» стран по нефтяным резервам (в млрд баррелей) таков:

Однако очень многие специалисты приведенным данным не очень верят или совсем не верят. Как по причинам секретности реальных резервов, так и по причинам сомнений в процедурах включения/невключения в резервы конкретных месторождений и залежей.

Например, в нефтяной актив Венесуэлы включена так называемая тяжелая нефть бассейна Ориноко, которую добывать гораздо сложнее и дороже, чем легкую. А легкой нефти у Венесуэлы тоже много, но не настолько – порядка 80 млрд баррелей. Еще более серьезное сомнение насчет резервов в отношении Канады, где почти все включенные в подсчет ВР резервы (кроме 6 млрд баррелей легкой нефти) находятся в нефтеносных песках бассейна Атабаска, и перспективы их масштабной коммерческой добычи далеко не ясны.

К другим «грандам» перечисленной «нефтяной десятки» тоже вопросов немало. Как, например, может быть так, что из Саудовской Аравии никаких сообщений об открытии новых месторождений давно не поступает, добывает она очень много (в среднем 3 млрд баррелей в год), а ее объявленные резервы десятилетиями держатся на одной точке в 265 млрд баррелей?

А потому разговоры о том, что, видимо, мир уже где-то на пике нефтедобычи, множатся. И это – не пустой звук.

Конечно же, в мире предстоит открыть еще очень много новых месторождений. Конечно, новые технологии добычи и переработки плюс энергосбережение – позволят

оттянуть время от пика добычи до исчерпания нефти на достаточно долгий срок.

Но уже нельзя не признать очевидное. Каждое новое месторождение нефти дается все труднее, все дороже в разведке и подготовке к эксплуатации. А это повышает себестоимость добываемой нефти и неуклонно снижает разницу между энергией, затраченной на добычу, и энергией, которую можно от добытой нефти получить. И дешевая хорошая нефть уже все чаще оказывается не просто «ограниченным ресурсом», с которым привыкла оперировать экономика, а ресурсом редким и одновременно крайне необходимым.

И потому возникают – и на Западе, и на Востоке, и в России, – публикации, в которых авторы (далеко не маргиналы) прямо заявляют, что все мы уже на пороге эпохи глобальных войн за нефть. Неслучайно американский аналитик Майкл Клэр пишет книги под говорящими названиями «Гонка за то, что осталось: глобальная схватка за последние мировые ресурсы» и «Войны за ресурсы: новый ландшафт глобального конфликта». Ведь США ежегодно потребляют примерно 20% того, что имеют в своих резервах, а потому огромные объемы нефти непрерывно ввозят в страну. И, как мы видим, например, очень плотно присматриваются к нефтяным резервам недалекой Венесуэлы, и очень не любят Уго Чавеса...

А что у нас в России? С нашими российскими резервами тоже полноты ясности нет. И не только потому, что эти данные секретны. Теперь ведь каждая нефтяная компания в России, если она хочет выпустить акции на рынок или занять деньги на Западе, хотя бы отчасти приоткрывает данные о резервах и ресурсах тех месторождений, на которые имеет лицензию.

Проблема, прежде всего, в том, что большинство наших месторождений разведывалось и оценивалось в советскую эпоху, а советская система подсчета запасов и по механизму, и по критериям сильно отличается от той международной, по которой считают в ВР или «Голдман Сакс». Хотя, как показывает опыт, западные оценщики – при пересчете в международную классификацию резервов – российские запасы обычно занижают.

И потому, видимо, наши резервы, по крайней мере, не меньше 88 млрд баррелей, указанных в докладе ВР. А ведь еще у нас есть – и в Татарстане, и в Западной Сибири, и на Ямале – месторождения тяжелой нефти наподобие венесуэльских, которые никто в подсчеты резервов не включал. А еще – есть не подвергнутые, как следует, поискам и разведке участки на суше. А еще есть почти необследованный современными методами геофизики шельф. Так что вроде бы резервов нефти у нас очень даже немало. И перспективы наращивания резервов есть.

Но пока это – только перспективы. А сейчас мы добываем около 3 млрд баррелей в год – примерно столько же, как Саудовская Аравия. То есть, при подсчете по нынешним резервам, нефти у нас – меньше чем на 30 лет.

Но три четверти добытой нефти мы экспортируем – и сырьем, и в виде нефтепродуктов. Причем вокруг нас полно тех, кто в нефти очень нуждается и кому ее очень не хватает: Китай, Япония, Корея, Украина, Белоруссия, страны Прибалтики, Польша, Болгария и так далее. Много таких нуждающихся – и ближних, и дальних.

И в ушах всех постоянно напоминовение: пик Хабберта пройден или почти пройден... Так что на нашу нефть – раз мы столько экспортируем – очень многие «облизываются»...

Мне скажут: но ведь и в мире, и у нас в России еще есть газ. И его вроде бы очень много – гораздо больше, чем нефти. И он вроде бы в энергетике даже лучше нефти – меньше загрязняет атмосферу. Так давайте переходить на газ, а там... человечество еще что-нибудь придумает.

Все не так просто. Об этом – в следующей статье.

Юрий Бялый

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА

В информационно-психологических войнах атакуется не все сознание, а по преимуществу сфера чувств

Сражаться и побеждать

Нельзя сражаться и побеждать, не поняв, КАК ИМЕННО враг воюет против тебя.

Мало понять общий характер ведущейся против тебя войны. Надо просветить эту войну аналитическим рентгеном — и выявить тонкую внутреннюю структуру вражеских действий. Такой аналитический рентген используется, к сожалению, нечасто.

Обычно исследователи ограничиваются общими словами: о манипуляциях, с помощью которых враг управляет нашим сознанием... о разрушении сознания... Реже — о программировании сознания (нейролингвистическом, нейросемантическом и так далее).

Но и манипуляция, и программирование — это лишь средства, не правда ли? Обсуждать их надо после того, как предельно ясно, глубоко и конкретно решен вопрос о цели. Не зря ведь говорят: «Какова цель — таковы и средства». Если цель — расколоть камень, то берут молоток и раскалывают. А если цель — навести порчу? Это я вовсе не к тому, чтобы еще и колдунов обсудить...

Но, во-первых, любая неточность в определении цели порождает неточность в выборе средств.

И, во-вторых, есть цели, которые можно описать только к помощи очень неординарных и ко многому обязывающих «вещей». Эти «вещи» не сводятся к понятиям. Потому что могут быть такие цели, для подлинного раскрытия которых строгих понятий категорически недостаточно.

В предыдущих статьях мы рассмотрели два направления информационно-психологической войны — «НА САМОМ ДЕЛЕ» и «МАТРИЦА ЛЮБВИ». Оставим в стороне тот факт, что язык, который был применен для описания этих направлений, можно назвать «строго понятийным» лишь с определенной долей условности, — это не снимает саму проблему. А она заключается в том, что использование одного лишь строго понятийного языка для описания целей информационно-психологической войны в принципе может помешать глубокому пониманию этих целей: что-то мы, конечно же, поймем, но что-то от нас ускользнет. И именно это ускользнувшее враг может употребить для того, чтобы разгромить нас окончательно.

Поэтому отойдем на время от траектории, намеченной в предыдущих статьях. И не станем обсуждать еще одно направление информационно-психологической войны, а попытаемся углубить понимание того, как именно информационно-психологическая война ведется на уже обсужденных нами направлениях №1 и №2. Такое движение на глубину возможно только за счет соединения аналитики с методологией. Этим и попробуем заняться.

Является ли управление сознанием целью информационно-психологической войны? И да, и нет.

Да — если ты, управляя, поработаешь сознание. А если не поработаешь? Ведь когда ты человека воспитываешь, ты тоже управляешь его сознанием. Например, у ребенка еще нет полноценного сознания, оно только формируется. Формируя сознание, им обязательно управляют. А вот поработать сознание, сохраняя его полноценность, невозможно. Таким образом, поработать и управление — вещи разные.

Кроме того, сознание можно ведь и разрушить. Безусловно, разрушение сознания человека ведет к потере возможности управлять им. Но в каких-то случаях враг и не стремится управлять вашим сознанием, а хочет, чтобы вы в прямом смысле слова лишились разума, обезумели, ввали в неуправляемое состояние...

Политика — это управление общественными энергиями. В том числе и общественным сознанием. Означает ли это, что любой политик ведет информационно-психологическую войну? Но чем тогда он отличается от врага?..

Чуть-чуть не доопределил понятия, размыл цели, нечетко оговорил критерии — и нет уже ни сражения, ни победы. Поскольку непонятно, с кем воевать, за что.

Сознание нельзя поработать, не осуществив частичного разрушения. А значит, информационно-психологическая война по определению разрушительна. Она предпо-

лагает либо частичное разрушение, обеспечивающее порабощение сознания, либо же разрушение полное.

А политика? Она предполагает диалог с общественным сознанием, которое не только не разрушено, но и, по возможности, возвышено с помощью этого диалога.

Отсюда — первый вывод: ПОЛИТИК никогда НЕ ВЕДЕТ информационно-психологическую войну против своего народа. Такую войну ВЕДЕТ ТОЛЬКО ВРАГ.

И второй вывод: перестройка была именно масштабной и яростной информационно-психологической войной. Причем войной, направленной именно на тотальное разрушение сознания своего народа. Доказать это не составляет труда. Но коль скоро такую войну ведет только враг (см. первый вывод), то перестройщики были врагами своего народа... А перестройщики-2? Можно видеть, что методология позволяет ответить на самые жгучие вопросы: политические, идеологические, даже юридические.

Но насколько точным и строгим является утверждение о том, что целью информационно-психологических войн является порабощение или разрушение сознания? Конечно же, такое утверждение — недостаточно точное и недостаточно строгое. Если мы согласимся с данным утверждением, то невозможно будет, к примеру, провести границу между информационно-психологической войной — и войнами, в которых противник разрушает... ну, допустим, мышление.

В информационно-психологических войнах атакуется не все сознание, а по преимуществу сфера чувств. При этом — не все чувства в равной степени. Прежде всего, атаке подвергается любовь.

Но если цель атаки — любовь, то язык, на котором обсуждается всё, что связано с этой целью, не может быть строго понятийным. Любовь таинственна, и сприкосновение с ее тайнами требует иных, не канонически научных, средств — средств, позволяющих проникнуть в подлинно сокровенное. В информационно-психологической войне противник не только не чурается таких средств, но именно ими прежде всего и пытается воспользоваться!

«Убить любовь»... «поработать любовь»... Верующие скажут, что это невозможно, ибо Бог есть Любовь. Философы обратят внимание на связь между стремлением убить и/или поработать любовь — и ниществом с его «смертью Бога», а также постмодернизмом и еще очень и очень многим.

А раз так, то почему бы не ввести в рассмотрение такое далекое от строгой понятийности, но очень важное слово, как Эрос? И почему бы не задаться вопросом о том, каков Эрос советизма и коммунизма. Звучит непривычно? И что с того? Возможно, этот ракурс даст нам гораздо больше, чем любые другие.

Начнем с того, что врагу в какой-то степени удалось порабощение и убийство Эроса советизма и коммунизма. И что место этого Эроса заняла его противоположность — смертное

начало Танатос (слово, которое тоже никак не отнесешь к разряду строгих понятий, но которое невероятно важно для проникновения вглубь исследуемой нами загадочной сферы). Окончательно ли Танатос по отношению к советскому прошлому занял место Эроса в общественном сознании граждан нашей страны? Конечно, нет. Мы знаем и по опросам, и по теледебатам, и по собственному опыту, что это не так. Но факт ЧАСТИЧНОГО порабощения советско-коммунистического Эроса тоже необходимо признать. Не было бы этого факта — мы бы жили с вами в СССР.

Методология подсказывает нам тему Эроса и Танатоса. А технология? Технологизация и любовь — сочетаемы ли они? Многие считают, что все может быть технологизовано... Попробуйте технологизовать любовь — что получится? Суррогат — вот что. Именно фальсификацией любви, превращением ее в суррогат занимались архитекторы сексуальных революций. Сначала суррогатизация, а потом и технологизация... Мы поговорим еще об этом. Но сейчас вернемся к Эросу и Танатосу.

Обсуждая Эрос и Танатос, мы будем обращаться и к другим метафорам, позволяющим проникнуть вглубь исследуемой нами загадочной сферы. Одна из таких метафор — «чары» — где любовь, там и любовные чары.

Что такое очарование? О-чарован — значит, находится во власти любовных чар. Что такое разочарование? Раз-о-чарован — значит, освобожден из-под власти любовных чар.

Борясь с любовью вообще и интересующим нас Эросом в частности, враг всегда будет специфическим образом освобождать вас из-под власти любовных чар. И делать он это будет, в каком-то смысле, как древний знахарь. Ибо серьезная информационно-психологическая война — это в каком-то смысле и есть симбиоз древней магии и современных технологий. Пока мы этого не осознаем, сражаться и побеждать невозможно.

Фактически все направления информационно-психологической войны связаны со снятием любовных чар. Направления отличаются друг от друга только тем, как именно снимаются любовные чары. Есть направление, на котором враг никоим образом не препятствует очарованию советско-коммунистическим Эросом, а напротив, поощряет дровишек в огонь этого Эроса. А после этого...

Но сначала скажем несколько слов о самом Эросе. О нем ведь рассуждали не только древние греки. Весь психоанализ опирается на Эрос — то ли как на источник всей человечности, то ли как на источник ее жизнеутверждающей части. Фрейд долгое время настаивал, что Эрос имеет всепорождающее значение, и лишь позже скупко заговорил о Танатосе как отдельном от Эроса начале. Но не только Фрейд соединил образ древнего бога Эроса с актуальным психологическим содержанием. Этим же занимались многие его последователи. А также постмодернисты. Вот только для них Эрос, в отличие от более или менее гума-

нистически настроенных фрейдистов (равно как и неофрейдистов), был лишь предлогом, чтобы начать разговор о Танатосе. О Танатосе постмодернисты говорили подробно и сочно, нащупывая те или иные возможности направленного этого божества смерти (а точнее, сопрягаемого с ним человеческого начала) на Эрос как таковой. И в первую очередь, конечно, на Эрос советско-коммунистический.

Пока у нас с презрением относились к теме Эроса и поносили всех, кто эту тему разрабатывал, враги изучали ее со всех сторон, создавая информационно-психологическое оружие. Нет серьезного информационно-психологического оружия вне проблематики Эроса и Танатоса! У нас, обращаясь к теме информационно-психологической войны, цепляются за технологические частности. Враг действует иначе: СНАЧАЛА разрабатывает фундаментальные сущностные вопросы, а ПОТОМ занимается технологизацией.

Чем вызвано цепляние за технологические частности?

Оптимистическая гипотеза: возможно, технологизаторы — а это в основном техники — стремятся побыстрее дорваться до оружия с тем, чтобы вести войну.

Пессимистическая гипотеза: фундаментальная проблематика для них слишком неудобна. Начнешь обсуждать Эрос и Танатос — враз выйдешь на Бахтина и залезешь в такие дебри... Пиши пропало!

Обсуждая любовь как очарованность и разочарование как метод войны с очарованностью, мы уже указали на, скажем так, культовый, магический характер всего того, что лежит в основе информационно-психологических войн. Именно с помощью таких «нестандартных» подходов враг стал проникать туда, куда обычно не проникают.

Мы никоим образом к этому «нестандартному» все сводить не собираемся и вскоре займемся вполне рациональными вещами. Но и прорасываться этим не будем: коль скоро речь и впрямь идет о переходе от очарования к разочарованию, то без темы чар никак не обойдемся. А где чары или освобождение от чар — там и магия, и культы... А как иначе? Опять же, Эрос и Танатос... Согласитесь, это весьма близко к магическим и культовым процедурам. Враг-то этим не пренебрегает! Напротив! А значит, и нам нечего кричать «чур меня!» и запереться в обители рационализма и scientизма.

Еще раз: если враг хочет разочаровать, освободить от любви (а точнее — от определенного, советско-коммунистического Эроса), он будет последовательно атаковать очарованность. Именно последовательно, то есть, снимая одну чару за другой. Соответственно, направления войны, а также методы войны существенно определяются этой последовательностью.

Если мы уже сказали и «А», и «Б», и «В», если уже заговорили и об Эросе с Танатосом, и о магии и культах, и об очарованности, а также снятии чар, то некое «Г», немаломо следующее за «А», «Б» и «В», уже очевидно. И это «Г» — Отец.

Ключевое направление во всем, что касается разочарования, то есть снятия любовных чар, обязательно будет сопряжено с информационно-психологической войной против Отца. Иначе просто не может быть. Первым это уловил Александр Твардовский. Он-то как раз не вел войны с Отцом. Точнее, отказывался придать этой войне разрушительный характер. Но на связь между десталинизацией и войной с Отцом указывал неоднократно.

«Мы звали — станем ли лукавить? —

Его отцом в стране-селье.

Тут ни убавить,

Ни прибавить, —

Так это было на земле.

И вот еще:

«В минуты памятные эти —

На трезне грозного отца...»

Если враг по-настоящему изучал все то, что мы выше упомянули, то как он мог не заметить того, что заметил Твардовский? А заметив это, как он мог не ударить по Отцу? Для начала — «всего лишь» по Отцу. То есть, по Сталину.

Анна Кудинова

КЛАССИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Односторонние действия США обязательно повлекут за собой ответные меры со стороны ядерных государств – а их не так мало

«Звездные войны» европейского масштаба

Вопросе ЕвроПРО с недавних пор происходят некоторые брожения, причем инициируются они именно американскими экспертами. В сентябре этого года Национальный исследовательский совет (NRC) США опубликовал доклад, ставший итогом экспертизы строящейся европейской системы противоракетной обороны. Комиссия NRC пришла к выводу, что в нынешнем ее виде система не в состоянии надежно защитить США и их союзников от предполагаемой атаки со стороны Ирана. Вывод достаточно жесткий: необходимо полностью изменить концепцию.

За несколько месяцев до этого, в мае нынешнего года, с подобным же докладом выступили эксперты сразу двух правительственных ведомств: научного совета Пентагона и Счетной палаты правительства США. По их мнению, система ПРО, разворачиваемая США в Европе, является сугубо политическим проектом и в обозримом будущем не будет способна выполнять возложенные на нее военные задачи. Главным изъяном системы эксперты назвали малый радиус действия радаров и неспособность перехватчиков выхватить цель.

Нельзя сказать, что выводы обеих комиссий поверхностны – экспертиза NRC продолжалась три года, а доклад Пентагона и Счетной палаты готовился полтора года, причем свой секретный документ военные передали для изучения в Конгресс США.

Оба официальных исследования подтвердили выводы независимых экспертов, что и сама концепция ЕвроПРО, и используемые ею технические решения неэффективны. Однако главный вопрос заключается в том, будут ли они приняты во внимание американским руководством? Думается, нет. Строительство системы ПРО стало для Америки чем-то наподобие национальной идеи – а национальная идея выше и значительнее, чем любая военно-техническая эффективность.

Чтобы удостовериться в том, что идея «глобального космического щита» уже давно стала для США приоритетной, достаточно взглянуть на историю так называемых звездных войн.

Американцев всегда отличала тяга к новому, особенно в области техники, где они считали себя самой передовой нацией в мире. Тем сильнее была уязвлена их гордость, когда СССР 12 апреля 1961 года первым отправил человека в космос. Это самое выдающееся достижение человечества за тысячелетия его истории принадлежало не им, а восточным варварам – можно ли было с этим смириться?

Тогда США постиг буквально национальный шок, и лишь срочно придуманная «Лунная программа» как-то выправила психологическое уныние нации – 25 мая 1961 года президент Джон Кеннеди на заседании Конгресса США объявил о начале ее реализации.

Однако и тут не заладилось – технические неудачи постоянно преследовали программу. Тенденцию не переломил даже полет американского «Аполлона» на Луну в июле 1969 г.: тут же начались разговоры о фальшивом полете, мистификации, «лунном заговоре» и т.д. Кроме того, лунную программу по разным причинам вскоре пришлось закрыть, причем совсем не на победной ноте.

Но околоземной космос как средство применения военных технологий по-прежнему манил американцев. К тому же вновь появилась необходимость поднять национальный дух. Поэтому Рональдом Рейганом в 1983 году была предложена еще одна фантастическая идея – программа СОИ (Стратегическая оборонная инициатива), которую тут же, по аналогии с космическим голливудским сериалом, прозвали «Стратегией звездных войн».

Главные элементы системы СОИ – активные средства поражения вражеских – советских – ракет на новых физических принципах: лучевых, электромагнитных, кинетических, сверхвысокочастотных, а также с помощью усовершенствованных ракет «земля–космос», «воздух–космос». Предусматривалось, что они будут базироваться в космосе. Система должна была поражать до нескольких тысяч целей в течение нескольких минут.

Радар системы ПРО в Европе.

Фото с сайта ИА «Росбалт» www.rosbalt.ru

Радар ПРО морского базирования Sea-Based X-Band Radar (SBX).

Фото с сайта «Боинг» www.boeing.com

Бывший голливудский актер Рейган оценил зрелищность, размах и глобальность идеи. Еще бы – кинофантастика становится реальностью, а США превращаются в космическую империю!

Программа была столь невероятной по целям и средствам их достижения, что снижала ощущение научно-технической непоценности Америки и, одновременно, чувство незащищенности от ужасных русских ракет – чем не национальная идея?

Считается, что СОИ была большим блефом. Что на том уровне научно-технического развития невозможно было достичь заявленных целей. И что закончилась программа неудачей. Однако так стоит рассуждать, если считать программу СОИ лишь научно-техническим проектом. А она изначально была задумана как нечто большее, как, повторюсь, национальная идея. И как таковая СОИ свою задачу блестяще выполняла – она подняла патриотический дух Америки, а ее главного противника – СССР – лишила уверенности в своих силах. И итогом этого психологического надлома (наряду с другими факторами) стала гибель СССР.

Таким превосходным инструментом грех было не воспользоваться еще раз в момент, когда Америка вновь потеряла веру в себя после терактов 11 сентября 2001 года. И вот в декабре 2001 года президент Джордж Буш-младший официально объявляет о начале создания национальной системы ПРО, новых «звездных войн». Теперь размах программы еще шире – США готовы защищать не только себя, но и своих союзников, в том числе в Восточной Европе. Но и выглядит она гораздо реалистичнее – основой ПРО будут не фантастические космические лазеры, а добротные наземные ракеты-перехватчики большой дальности, ракеты морского базирования и сеть космических спутников обнаружения. Все это сводится в эшелонированную систему, размещается в позиционные районы развертывания не только на территории США, но также в Европе и Азии.

С этого времени новые «звездные войны» становятся национальным проектом США, и большая часть внешней военной политики определяется именно этим.

В июне 2002 года Вашингтон в одностороннем порядке выходит из договора 1972 года об ограничении систем ПРО – добровольного обязательства США и СССР (России) не создавать, не испытывать и не разворачивать системы морского, воздушного, космического или мобильного наземного базирования. Новая интерпретация СОИ под названием «Национальная система противоракетной обороны» (НПРО) предполагала создание плавучих и наземных элементов системы, размещенных на Аляске, в Калифорнии, Японии, Гренландии и территории европейских стран.

В августе 2003 г. расконсервируется военно-морская база на о. Адак (Алеутская гряда) для обеспечения мощной мобильной РАС морского базирования. Вместе с ракетами-перехватчиками на Аляске радар входит в состав интегрированной системы ПРО.

Осенью 2004 г. монтируются 6 пусковых установок ракет-перехватчиков на базе Форт-Грилли (штат Аляска), в декабре – 4 пусковые установки на базе Ванденберг (штат Калифорния) и в 2005 г. – еще 10 пусковых установок в Форт-Грилли.

В 2007 году начались официальные переговоры о размещении объектов ПРО США в Польше и Чехии.

Россия с естественной тревогой наблюдала за разворачиванием американского проекта. Дело не в том, что американцы замахнулись на технически крайне сложную проблему: хотят повторно наступать на те же грабли – пусть наступают. И даже не в том, что кроме баллистических ракет существует немало других средств доставки, которые ПРО просто не в состоянии нейтрализовать. Да и кроме ядерного оружия достаточно других средств массового уничтожения.

Но американцы строят ракетно-ядерную систему с множеством сверхсложных связей, с многоуровневой архитектурой элементов, которая должна с высокой точностью отделять помехи от настоящего сигнала, а ложные цели от подлинных. Такой системе, по определению, присуща нестабильность. Любая внутренняя неисправность или целенаправленное внешнее воздействие (а они обязательно будут) могут привести к пуску противоракет, которые другая сторона может принять за ракетно-ядерную атаку – и нанести ответный удар.

Еще одна сторона проблемы – это то, что односторонние действия США обязательно повлекут за собой ответные меры со стороны ядерных государств – а их не так мало. Россия, Китай, Индия начнут наращивать ракетно-ядерный потенциал, чтобы гарантированно преодолеть ПРО, малые ядерные страны: Иран, Северная Корея – также постараются не отстать.

Именно это и заявил в феврале 2007 года в «мюнхенской речи» Владимир Путин – что развертывание ПРО у границ России приведет к новой гонке вооружений. Россия попыталась найти компромисс: американской стороне предложили совместно использовать Габалинскую РАС в Азербайджане и РАС в Армавире, чтобы наладить совместный контроль за пусками, исключить обеспокоенность России, что ПРО создается против нее, а не против мифических ядерных ударов со стороны Ирана и Северной Кореи. США отвергли это предложение.

Тогда в ноябре 2008 года новый президент РФ Дмитрий Медведев заявил, что если

не удастся договориться о создании общеевропейской ПРО или взаимном отказе от размещения противоракет, Россия готова разместить ракетные комплексы «Искандер» под Калининградом. Это означало, что и база противоракет в Польше, и РАС в Чехии гарантированно будут уничтожены в первые же минуты после запуска, а вся инфраструктура европейской ПРО потеряет всякое значение.

Американцы очень серьезно восприняли угрозу, и в сентябре 2009 года президент США Барак Обама объявил об отказе от развертывания противоракет и радара в Польше и Чехии. Теперь элементы ПРО, включая и радар дальнего обнаружения, будут в основном базироваться на кораблях и морских платформах – вне пределов досягаемости русских «Искандеров».

В ноябре 2010 года на саммите НАТО в Лиссабоне Дмитрий Медведев сделал еще одну попытку решить вопрос миром: предложил создать секторальную ПРО с участием России. Это означало, что Россия и США (поскольку в мире нет других стран, обладающих системой раннего предупреждения о ракетно-ядерном нападении) разделят пространство над Европой на сектора, и каждая сторона будет прикрывать от ракетных атак свою зону ответственности. Но, как и в предыдущем случае, переговоры по данному вопросу завершились безрезультатно.

Итак, на сегодняшний день ситуация следующая: Россия, убежденная, что ЕвроПРО создается против нее, выставила США ряд ультимативных условий. Среди прочего – введение в действие радиолокационной станции системы предупреждения о ракетном нападении в Калининграде, оснащение российских баллистических ракет перспективными комплексами преодоления ПРО, разработка мер, обеспечивающих разрушение информационных и управляющих средств ПРО, размещение в Калининграде ракетных комплексов «Искандер» и – не исключено – выход из Договора о ликвидации ракет средней и малой дальности (чтобы можно было уничтожить элементы ПРО на тактических дистанциях).

Но почему же правительство США не принимает во внимание ни аргументов России, ни предостережений собственных экспертов, и с маниакальным упорством продолжает воплощать почти невыполнимый проект ПРО? Этому есть множество причин, как военно-политических, так и экономических, международных, клановых и других. Их подробный анализ мы проведем в следующей статье.

Юрий Бардахчиев

КУЛЬТУРНАЯ ВОЙНА

Чем больше остывал огонь у атеистического человечества, тем сложнее было этому человечеству ответить на вызов смерти

Культура смерти и смерть культуры

Известна история с выдающимся шведским режиссером Ингмаром Бергманом, который в 35 лет испугался смерти, и только сняв свой гениальный фильм «Седьмая печать», смог приблизиться к ответу на вопрос: зачем жить? «Сколько я себя помню, — пишет Бергман в воспоминаниях, — меня всегда преследовал страх смерти, который временами становился невыносимым. Мысль о том, что я умру и тем самым перестану быть, что я войду в ворота Царства мрака, что существует нечто, чего я не способен контролировать, организовать или предусмотреть, была для меня источником постоянного ужаса. И когда я вдруг взял и изобразил Смерть в виде белого клоуна, персонажа, который разговаривал, играл в шахматы и, в сущности, не таил в себе ничего загадочного, я сделал первый шаг на пути преодоления страха смерти».

Ощущение осмысленности жизни — вот что позволяет преодолеть страх смерти. Смыслы могут быть религиозными (и тогда по ту сторону смерти находится вечная жизнь) или светскими (и тогда речь идет о продолжении жизни за счет общего дела, подхваченного следующими поколениями). Но только они могут противостоять страху смерти по-настоящему.

А как быть в случае, если смыслов нет? В этом случае бедные начинают восхвалять смерть как спасение от опустыленной борьбы за кусок хлеба. А богатые — восхвалять ее же как избавление от осточертевшего гедонизма и разврата. Культ восхваления смерти неизбежно появляется у людей, лишенных смыслов. Потому что в противном случае они сойдут с ума от смертного ужаса.

18 октября в прокат вышел фильм «Последняя сказка Риты». Сняла фильм Рената Литвинова. Это малобюджетная картина с заявкой на арт-хаус: режиссер вложила в съемки собственные деньги, актеры играют бесплатно, заявленная тема — человек на пороге смерти — отсылает к интеллектуальному кино.

Сюжет фильма. Некое Мифическое существо (сыгранное Р.Литвиновой) приходит к умирающей женщине. Его цель — проводить умирающую на тот свет в момент, когда лучшая подруга с выразительным именем Надежда и любимый человек оказываются бессильны помочь.

Выбор темы фильма Рената Литвинова объясняет тем, что ее с детства волнуют экзистенциальные вопросы, вопросы жизни и смерти. Она изучала мифы о древних богах, легенды, ритуалы и символы, с которыми связывали смерть разные народы. Смерть уважает человека, она предупреждает его в снах о своем приходе, считает Рената Литвинова. Человек должен только прислушиваться к «тонкому миру», способному посылать человеку знаки о приближении смерти. На вопрос о том, является ли эта ее (Р.Литвиновой) вера в потусторонние силы эпатажем, актриса отвечает: «Норма — это антиискусство... Безумцы делают искусство».

Сказать, что норма всегда является антиискусством, можно, только вычеркнув из истории искусств очень и очень многое. К примеру, весь классицизм, который основан на апологетике норм. Так что речь идет не об отрицании нормы любым искусством. Речь идет об отрицании нормы тем искусством, которое, отказавшись от смыслов, заболело смертью. А заболев смертью, стало воевать с жизнью и нормой как тем, без чего невозможна социальная жизнь. А значит, и все то, что делает человека человеком.

Тема смерти в искусстве, в литературе в частности, поднималась в самых разных аспектах.

Например, Александр Блок писал о смерти души:

*Пробудился: тридцать лет.
Хватит-похватит, — а сердца нет.
Сердце — крашенный мертвец.
И, когда настал конец,
Он нашел весьма банальной
Смерть души своей печальной.*

Великий испанский поэт Федерико Гарсиа Лорка отмечал особое отношение к смерти в Испании. «В других странах смерть — это все. Она приходит, и занавес падает. В Испании иначе. В Испании он поднимается. Многие здесь замурованы в четырех стенах до самой смерти, и лишь тогда их выносят на солнце. В Испании, как нигде, до конца жив только мертвый — и вид его ранит, как лезвие бритвы... в конечном счете все насыщенное здесь оценивается чеканным достоинством смерти».

В культуре смерть всегда воспринималась как предельный вызов жизни. Как вечный и непримиримый антагонист жизни. Как нечто, с чем человек ведет непримиримую борьбу. И именно эта борьба наделяет жизнь и особым смыслом, и ощущением горечи.

Как именно религиозные смыслы противостоять смерти, понятно. Христианин, к примеру, знает, что жизнь — часть большого пути. Как ты проживешь эту жизнь, такая и награда будет в загробном мире: по итогам ее попадешь или в рай или в ад.

Атеистам противостоять вызову смерти, конечно же, намного труднее. Но, как мы знаем, атеистам-революционерам удавалось по-своему решить эту проблему, сакрализовав дело своей жизни — революцию.

Но это революционеры. С их страстностью, огненностью. Чем больше остывал огонь у атеистического человечества, тем сложнее было этому человечеству ответить на вызов смерти. От торжественного момента перехода в другой мир оставались только обряды. Обряды постепенно теряли смысл. И так как вопрос о смерти не получал никакого ответа, его стали замалчивать. Смерть превратилась во что-то неприличное, в то, о чем не говорят. А если о чем-то не говоришь, то вроде как оно и отсутствует. Но легко сказать отсутствует...

Жизнь без так называемого утешения — каковым может быть либо вера в вечную жизнь, либо сакрализованное общее дело — становилась все более беспомощной перед лицом смерти. А раз так, то проблема смерти стала предстать перед человечеством в новом качестве.

Кадр из фильма «Последняя сказка Риты»

Рената Литвинова хочет говорить о смерти, но ей нечего сказать по существу. Она все время ищет ассоциации-намекы в мифах, русской и советской литературе, африканских культурах, наконец. На вопрос, почему главная героиня — Рита, она отвечает: «Люблю это имя — Маргарита... это у Гете, у Булгакова».

И дальше в фильме она воспроизводит свои ассоциации: желтый цвет, вороны, маскарад... Она пытается заговорить смерть, налаживать взаимоотношения со смертью — как в архаических культурах, заново придумывая ритуал, поведение в момент кончины, новые символы и утешение, как она его понимает... Оказывается, что умереть в таких «винтажных» платьях, среди блеска публичных, в изысканных позах — это даже «очень красиво».

В Древней Греции за душой прилетал бог Танатос, сын богини Никты (Ночи) и бога

Эреба (Мрака), которого боялись и не любили даже сами боги. «Мифическое существо», пришедшее за душой героини в «Последней сказке Риты» — красивая, экстравагантная женщина. Она оказывается вернее, добрее и внимательнее друзей, близких, родных... И дает единственное избавление от мирских тягот и предательств.

Кстати, надо отметить, что появление такого рода «мифических существ», преследующих неочевидные цели, стало почти обыденным явлением в современном искусстве.

В фильме Боба Фосса *All That Jazz (1980 год)*, из приближающейся смерти было смоделировано целое шоу! Главный герой тяжело болен, но каждое утро начинается с душа, приема дозы лекарства, улыбки и фразы «Шоу начинается, господа!». И дальше — безумный рабочий день. Изредка его навещает таинственное существо Анжелика — то ли муза, то ли медсестра, а может, и ангел смерти. Теряя ощущение реальности, очнувшись после обморока, герой пишет записку медсестре: «Я жив или умер?».

А теперь — о наиболее важном в фильме Литвиновой.

В фильме этом речь постоянно идет о том, что героиню, «мифическое существо», интересуют красивые души, «души, способные любить». И тут следует уточнение: «души, способные любить» интересуют героиню фильма потому, что «они будут избавлены от возвращения сюда, где все так несовершенно, где столько страданий». Вот так, быстро, просто и ненавязчиво отменяется все содержание и светской, и христианской, и иных борющихся со смертью культур. Жизнь превращается в обузу. Смерть — в счастливый шанс для избранных вырваться из буддийского круга сансары.

Тема «прекращения земных страданий» появилась в российском кинематографе сразу после развала Советского Союза. В 1992 году на экраны вышел первый российский фильм ужасов «Прикосновение». Главный герой, расследуя странные самоубийства (например, мать убивает сына и кончает с собой) обнаруживает, что виной всему призрак, убеждающий близких людей

За последнее десятилетие число самоубийств в России среди молодежи выросло в 3 раза. Зловещая тенденция, не правда ли? Только за пять последних лет самоубийством покончили жизнь 14 157 несовершеннолетних. И кинематограф тоже несет за это ответственность.

На Западе тему смерти в новом ключе поднял молодой режиссер Алехандро Аменабар. В 2004 году на экраны вышел его фильм «Море внутри». И сразу получил два «Оскара», Гран-при Венецианского фестиваля и 14 наград испанской кинопремии «Гойя».

Кадр из фильма «Море внутри»

Алехандро Аменабар не скрывает, что тема смерти интересует его больше всего. До «Моря внутри» он снял фильм «Другие», в котором под конец выясняется, что жизнь молодой женщины с двумя детьми в большом пустом доме — это уже жизнь после смерти. Женщина убила детей, и покончила с собой. После чего оказалось, что жизнь продолжается... просто уже в другом измерении. «Кто-то придумал интересную формулу: «Другие» — фильм о мертвых, которые хотят быть живыми, а «Море внутри» — о живых, которые хотят умереть», — говорит режиссер.

Обратим внимание на фразу «живые, которые хотят умереть».

В Испании «Море внутри» вызвал бурное обсуждение в связи с поднятой темой эвтаназии. Но посыл режиссера был гораздо глубже. Желая поднять вопрос о добровольном уходе из жизни, он берет в качестве примера человека, весьма формально подпадающего под случаи, в которых хотя бы условно можно рассуждать о допустимости эвтаназии. Герой фильма Рамон парализован. Но он сильный человек, продолжающий вести насыщенную, интересную жизнь: он пишет, рисует, общается с людьми, в него влюбляются женщины. Но вся сила воли героя нацелена на одно — желание умереть.

Алехандро Аменабар считает себя агностиком. Он формально далек от заявленной нашими режиссерами темы ухода из тягостной жизни в сладостное ничто. Его герой хочет умереть просто потому, что желание умереть — это такое же желание, как и стремление жить.

Донося до зрителя свой посыл, А.Аменабар вводит в сюжет фильма ряд эпизодов, доказывающих правоту главного героя. Так, парализованный священник, который приехал отговаривать самоубийцу от задуманного, предстает в комичном виде. «Показывая священника в «Море внутри», я не собирался рисовать карикатуру на церковь. Я видел как-то одного кардинала, который в некоей телепередаче обвинял Рамона, называя его трусом, и его семью — мол, они слишком мало его любили. Отсюда — диалоги в моем фильме. Тут я ничего не выдумал», — говорит режиссер.

Симпатии Аменабара целиком на стороне героев, решивших свести счеты с жизнью. И опять возникает ангел смерти в образе активной девушки из специального агентства, занимающегося помощью тем, кто хочет прекратить эту муку, называемую жизнью.

Тема этого ангела (кстати, совершенно нелишней в этой связи вспомнить сюжеты из «Апокалипсиса») постепенно приобретает такой разворот и такой накал, что реагировать приходится крупнейшим хранителям общечеловеческих смыслов. Но об этом в следующей статье.

Мария Рыжова

НАША ВОЙНА

Наши дети растут в отрыве от нашей культурной традиции – но зато в тесном взаимодействии с чужими (и иногда прямо вражескими) культурами

Размышляя над детскими рисунками:

Какими Россия (мы все вместе: родители, государство, школа и пр.) хочет воспитать своих детей? Хотим ли мы, чтобы они выросли «настоящими людьми»? Хотим ли мы, чтобы они были свободными? Хотим ли мы, чтобы они любили родителей? Хотим ли мы, чтобы они вообще умели любить? Хотим ли мы, чтобы наши дети, когда вырастут, были верны клятве, дружбе, чувству? Хотим ли мы, чтобы они чего-то добивались и добились в жизни? Хотим ли мы, чтобы они выросли русскими (в широком смысле слова – ощущающими свою неразрывную связь с русской культурой, русской историей, русской судьбой – независимо от национальности)?

Наверное, многие, услышав такие вопросы, сочтут их риторическими: конечно, мы все этого хотим! – только ненормальный может хотеть обратного – чтобы дети никого и ничего не любили, чтобы выросли, не зная, что такое верность, настоящая дружба. Только безумец может хотеть, чтобы они выросли беспомощными и зависимыми, не имея даже шанса достичь каких-то высот в своей жизни. И только враг может хотеть, чтобы наши дети, когда вырастут, не знали «чужих они будут» и ощущали себя «без роду и племени».

Однако вопросы эти совсем не риторические. Потому что, судя по результатам исследования детских рисунков, собранных активистами Движения «Суть времени», наши дети (все вместе, в социологическом, статистическом смысле) находятся во власти безумцев или врагов, которые лепят из них прямо противоположное тому, чего бы мы хотели.

Судите сами.

Среди 2,5 тысяч рисунков «Героя, на которого я хочу быть похож» российских (!) детей 5–13 лет, постоянно проживающих в России (!), есть всего 1 (прописью: один) Алексей Маресьев. И еще

- 1 Николай Гастелло;
- 1 Александр Невский
- 1 Зина Портнова
- 1 Петр Первый
- 1 Иосиф Сталин
- 1 Гуля Королева
- 1 Дмитрий Донской

Еще есть 2 Валентины Терешковых и аж 27 (!) раз нарисован Юрий Гагарин.

И еще – 22 раза нарисованы родственники детей – прадедушки уже и прабабушки – герои Великой Отечественной войны. И еще есть некоторое (не очень значительное) количество пап-спасателей, пап-военных и «мама мой герой – она меня родила».

Всё! Этим отечественный пантеон героев исчерпывается. С героями иностранного происхождения не лучше – если иметь в виду именно героев: есть 1 (прописью: одна) Жанна д'Арк, 1 Иисус Христос, 1 Спартак и 1 Фидель Кастро.

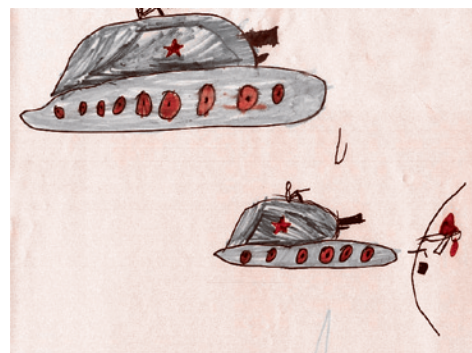
Каждый, кто хоть когда-нибудь имел дело со статистикой, понимает, что всех этих, перечисленных выше, героев, включая Гагарина и обобщенного дедушку – солдата Великой Отечественной, в статистическом, социологическом смысле НЕТ. Их нет в сознании наших детей как героев, потому что приведенные цифры ниже всякой погрешности – это просто случайность.

Да ладно! – скажут некоторые. Это же дети! У них героями должны быть сказочные персонажи... Былинные богатыри, Конек-горбунок, Дядя Степа, Царевна-лягушка... Колобок, в конце концов. Или там д'Артаньян, Чиполино, Золушка, Белоснежка... Бемби, на худой конец. Что ж, такое мнение имеет право на существование – действительно, дети вполне могут хотеть быть похожими на героев сказок, это их детское право. Как у нас этим?

Да почти так же, как и с настоящими, реальными историческими героями. Среди детских рисунков нашлись:

- 1 Алёнушка
- 1 Алладин
- 1 Баба Яга
- 1 Буратино
- 1 Василиса Прекрасная
- 1 Дед из сказки про репку
- 1 Змей Горыныч
- 1 Конёк-гобунок
- 1 Мальвина
- 1 Принцесса-лягушка
- 1 Руслан
- 1 Спящая красавица
- 1 Чиполино
- 2 Белоснежки
- 3 Алеша Поповича
- 3 Красные шапочки
- 4 Добрыни Никитича
- 4 Ивана-царевича
- 8 (!) Колобков
- 11 Ильей Муромцев
- 16 Золушек
- 19 Винни-Пухов
- 26 Чебурашек
- 27 Котов в сапогах

Согласитесь, тоже не фонтан! И, в общем, все эти сказочные герои – тоже скорее отсутствуют, чем присутствуют (в статистическом плане) в пантеоне наших детей. Потому что даже если считать их всех – вместе с не названными здесь загадочными «зайчиками из сказки» и «петушками из мультика», а также с теми рисунками, где не удалось понять, кто именно нарисован, хотя понятно, что нарисован кто-то сказочный – то получится чуть более 2% от всех «героев». Это, конечно, не ноль, как в случае с «настоящими героями», но...

Так на кого же хотят быть похожими наши дети? Кого они считают героями, достойными подражания? Наверное, все уже догадались. Да! Именно! Главными героями наших (!) детей являются:

Человек-паук – нарисован 187 раз;

183 – Феи из мультсериала «Клуб Винкс: школа волшебниц» (знаете такой?);

159 – Губка Боб Квадратные штаны (из одноименного мультсериала);

145 – Бэтмен;

125 – «Суммарный» супермен, включающий Железного человека, Росомаху, Халка, Капитана Америку, Мена Арктику, Черный плащ, Доктора Осьминога, просто «суперменов» и т.п.;

78 – Русалочка Ариэль;

68 – Рапунцель;

56 – «Суммарный» робот, включающий красную машинку из «Тачек», трансформеров, робота Зевса и робота Смерча и т.л.

56 – Смешарики;

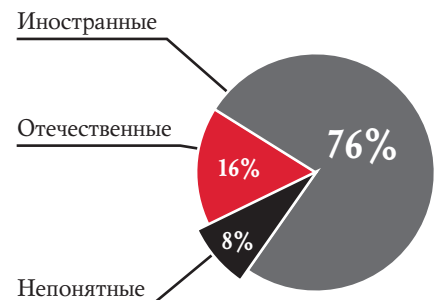
47 – Гарри Поттер...

И еще очень-очень много персонажей различных мультсериалов, компьютерных игр и кинофильмов (о большинстве из которых мы никогда не слышали).

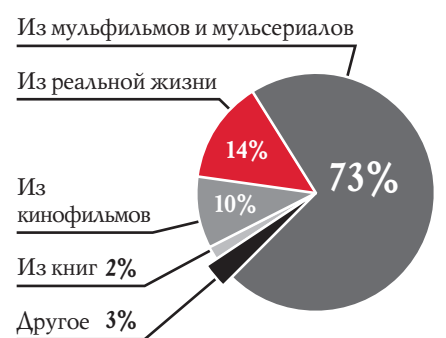

ОБЩИЙ ИТОГ ТАКОВ:

Происхождение героев:

Откуда берутся герои:

НАША ВОЙНА

Беспризорники в нашем доме

Есть широко известное и очень верное изречение (вроде бы Наполеона): «Народ, который не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую». На основе материалов исследования детских рисунков, проведенного «Сутью времени», мы можем сказать: народ, который не желает воспитывать своих детей, отдает их на воспитание врагам. Трудно иначе интерпретировать полученные результаты.

Нам скажут: ерунда! Что с того, что дети увлекаются мультипликационными героями иностранного происхождения? Это же все равно герои! Они защищают слабых, борются с преступниками и монстрами, спасают мир, в конце концов! Что тут такого?

«Такого» тут очень, к сожалению, много.

Во-первых, все эти герои иностранных мультфильмов – корнями в своих (для нас чужих и чуждых) культурах. Прежде всего, американской – ведь известно, что большинство супергероев из американских фильмов – это герои комиксов – очень своеобразной и очень американской традиционной культуры. Но и не только американской. И японской – множество наших детей буквально «подсаживаются» на японские аниме – правда, в чуть более старшем возрасте (а ведь Япония вполне сознательно, на государственном уровне продвигает аниме во всем мире – с целью пропаганды Японии и японских традиционных ценностей). И европейской – так, загадочный для нас сериал про феи Винкс – итальянский, а известный сериал «Скуби Ду» – английский. Все эти мультфильмы и их герои – плоть от плоти (хотя, скорее, дух от духа) своих (а не наших!) национальных культурных традиций. Они призваны воспитывать в детях то, что ценно для их (а не наших!) культур и стран.

Но что плохо в том, что и наши дети это смотрят, спросят некоторые. Ничего! – точнее, было бы ничего, если бы наряду с этими мультфильмами, наши дети смотрели бы в таком же количестве и качестве сделанные российские мультфильмы и сериалы, основанные на русской культурной традиции. Но этого же нет! И это значит, что наши дети растут в отрыве от нашей культурной традиции – но зато в тесном взаимодействии с чужими (и иногда прямо вражескими) культурами – о том, чем именно эти культуры «обогащают» наших детей, мы поговорим чуть дальше.

Великий этолог и психолог, лауреат Нобелевской премии Конрад Лоренц писал: «Человек – по природе своей культурное существо – просто не может существовать без опорного скелета, который составляет ему принадлежность к некоторой культуре и участие в ее благах. Из детского подражания возникает поведение, ориентирующееся на некоторый образец; человек чувствует себя тождественным с этим образом, ощущает себя носителем – а также владельцем – его культуры. <...> Каждый крестьянин знает «кто он такой» и гордится этим. Отчаянный поиск своей принадлежности <...> «identity problem» нынешней молодежи – это симптомы расстройств в передаче культурной традиции. Человеку, страдающему этим недостатком, очень трудно помочь. Если молодой человек потерял духовное наследие культуры, в которой он вырос <...> то ему не дано отождествить себя ни с чем и ни с кем, и тогда он в самом деле ничто и никто – как это можно ясно прочесть сегодня в отчаянной пустоте многих юношеских лиц. Кто потерял духовное наследие культуры, тот поистине обездолен». Получается, что, «сдавая» наших детей иностранной массовой культуре, мы, как минимум, воспитываем из них будущих коллаборационистов и предателей, а как максимум – поистине обездоливаем их, обрекая на невозможность найти себя в чуждом им мире.

Во-вторых, очень важно, что мы «сдаем» своих детей в плен вражеской «культуре» сами – добровольно и с некоторым даже воодушевлением. Потому что мультики позволяют не заниматься детьми: посадил ребенка к телевизору – и он к тебе не пристаёт, «а у нас так много дел!». Кто хоть раз не использовал мультики именно таким образом – для собственного «освобождения» – пусть первым бросит в нас камень. Однако наше исследование показывает, что одним разом все не ограничивается: очевидно, что мультики постоянно используются для «освобождения» от детей. Это само по себе печально и неправильно, но не только. Главное в том, что наши дети очень сильно, до степени «отравления», перекармливаются мультфильмами.

Социологические исследования показывают, что за последние 30 лет кардинально изменилось распределение «свободного» времени детей дошкольного и раннего школьного возраста. Продолжительность просмотра мультфильмов увеличилось в 8 раз, с 5% (20–30 минут) до 40%. Кроме того теперь дети гораздо раньше начинают смотреть телевизор, многие еще в возрасте до двух лет (конечно, ведь это так удобно – пока ребенок у телевизора можно сбежать в магазин, сделать прическу, выпить пива с соседом, да мало ли...). В результате, просмотр мультфильмов стал основным детским занятием вне школы и детского сада.

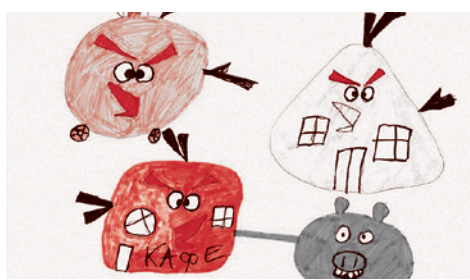
Но если где-то прибавилось, то где-то должно убавиться! Дети меньше читают, меньше занимаются спортом и гуляют, меньше рисуют, лепят и мастерят. Мультфильмы могли бы принести пользу, если бы дети смотрели их активно, то есть вместе с родителями или знакомыми взрослыми, которые могли бы что-то пояснить, прокомментировать, расшифровать, чтобы ребенок мог воспользоваться полученной информацией для использования в своих играх и учебе. Но, к сожалению, дети варятся в собственном соку при просмотре мультфильмов, усваивая самую поверхностную информацию, так как большинство современных мультфильмов не направлены на решение воспитательных и образовательных задач. А направлены на решение задач совершенно других.

В-третьих, современные мультфильмы, сериалы, компьютерные игры и пр. – все суть маркетинговые проекты разной степени грандиозности. Они специально сделаны (с использованием самых современных знаний в психологии, социологии, маркетинге, управлении) с целью управления потребительским поведением – детей, в том числе. То есть они сделаны для того, чтобы производить потребителей, чтобы внушить людям (в том числе детям) не существующие у них потребности, которые заставят их покупать определенные товары и – что еще хуже – ориентироваться на определенный образ жизни. Который они будут считать самым правильным и самым лучшим! «Герои» мультфильмов постепенно забудутся, а пристрастие к определенному образу жизни и к потреблению вообще – останется.

Характерно, что и современные отечественные мультфильмы построены по этому же лекалу – как маркетинговые кампании. Так, например, сериал «Смешарики», который любят наши дети, – целиком и полностью такой. Причем, показательно, что, как свидетельствуют исследования восприятия детьми этого сериала, дети не понимают сюжетов и диалогов этого сериала, они не в состоянии играть в «Смешарики» (разве что в футбол – куклами персонажей мультфильма), но зато требуют у родителей покупки кукол и изображений героев мультфильма и других причудов, с ним связанных. То есть содержательно и в культурном плане «Смешарики» не дают детям ничего – вообще ничего! – но зато он прекрасно справляется с воспитанием потребительства. Стоит ли говорить о том, что потребительство, впитанное буквально чуть ли не с молоком матери («Смешарики» смотрят очень маленькие дети, с 2 лет), приводит к глубоким повреждениям психики и развития детей, которые уже вряд ли потом можно поправить без совершенно титанических усилий. А ведь «Смешарики» – можно сказать, еще только учебная работа наших отечественных «специалистов», которые только начинают понимать, зачем «на самом деле» нужны мультфильмы. Что уж говорить о том вреде, который причиняют нашим детям творения иностранных «мастеров» – да хоть те же человеки-пауки и феи Винкс!

В-четвертых... В-пятых... В-шестых... Продолжение – в следующей статье.

Андрей Сверчков,
Юлия Крижанская

СОЦИАЛЬНАЯ ВОЙНА

Форсайт-проект «Детство-2030»: нужен расчеловеченный кретин для кретинической ориентации в кретиническом будущем – чтобы его хозяин одним пинком отправлял его по нужной этому хозяину кретинической траектории

По ту сторону семьи

Стратегические разработки у нас в стране не просто редкость, их отсутствие – главная проблема страны. Речь, естественно, идет о стратегиях развития, стратегиях изменения к лучшему, стратегиях выхода из регресса.

Но вот стратегических проектов, взрывающих общество, разрушающих его несущие опоры – будь то семья, образование, здравоохранение, пенсионная реформа, ЖКХ или другие – с избытком.

В предыдущих статьях мы описали четыре основных направления ударов в социальной войне. Теперь взглянем внимательнее на их практическое воплощение, в частности, на стратегические проекты. Сегодня речь пойдет о форсайт-проекте «Детство-2030».

Российское общество постепенно стало пробуждаться в ответ на угрозу принятия конкретных законов по ювенальной юстиции (митинги, пикеты, подписи, обсуждения и пр.). Но ЮЮ – лишь малая частица форсайт-проекта «Детство-2030», стратегии по слову не только того самого русского ядра, о котором говорил Ракитов, а шире – цивилизационного слома. Этот слом, по всей видимости, предназначен для всего мира. Но осуществление такого слома именно в России представляется кому-то особо важным. И потому, что Россию вообще надо доломать. И потому, что, не доломав ее, нельзя сломать мир. И по многим другим причинам.

К сожалению, большинство наших сограждан никогда не слышали о форсайт-проекте «Детство-2030». А те, кто о нем знает, относятся к нему как к страшной сказке, фантастической антиутопии – настолько он не вписывается в сознание русского человека, настолько противен самой человеческой природе. Но, как нам кажется, отмахиваться от подобных проектов – мол, нелепость и бесстыдство, что об этом говорить! – значит заведомо проиграть в войне, ведущейся против России и человечества. Нельзя выиграть в войне, не зная, что против тебя ее ведут, не относясь к ней серьезно, не обладая оружием для ведения ответных действий и готовностью эти действия вести. Такие военные спецоперации против России, как «Детство-2030», надо обсуждать ничуть не менее подробно, чем любые другие военные спецоперации, ведущиеся, как мы понимаем, на самых разных фронтах. История предупреждает нас о том, что все самые уродливые и мерзкие идеи в человеческом обществе воплощались только потому, что при их зарождении к ним относились несерьезно и невнимательно.

Анализируя форсайт-проект «Детство-2030», мы с прискорбием обнаруживаем Общественную палату РФ как лоббиста и этого сомнительного проекта. Конечно, в данном случае нельзя говорить о прямом лоббизме. Прямым лоббистом является Благотворительный фонд «Мое поколение» – он заказал проект. А вот в графе «исполнитель» официально записано следующее: «Международная Методологическая ассоциация при поддержке Общественной палаты Российской Федерации». Какую именно поддержку осуществляла Общественная палата, предстоит еще разобраться. Но то, что ее используют в качестве бренда и лоббистской площадки... Это, увы, не вызывает сомнений. Руководитель проекта «Детство-2030» – Алина Федорова Радченко. Идеолог проекта – методолог Сергей Валентинович Попов.

В основу проекта положена так называемая технология форсайта (англ. Foresight – «взгляд в будущее»). Появилась она лет 30 назад и считается «одной из прогрессивных технологий работы с будущим», одним из основных инструментов инновационной экономики. Поначалу эту технологию применяли для формирования образов будущего в сфере технологии, затем в бизнесе, а с 90-х годов прошлого века – в общественно-политической сфере. Рекламируя метод форсайта, госпожа Радченко ссылается на успех применившей этот метод фирмы Nokia. Мол, применила фирма метод – и стала передовой в том, что касается мобильной связи.

Может быть, порекомендовать госпоже Радченко применить методы, сделавшие фирму Nokia успешной, в отношениях со своим супругом? Может быть, у нее получится?

Данный совет порожден нашим изумлением по поводу того, с какой легкостью люди, занимающиеся тончайшими социально-психологическими вопросами (например, детством), перенимают опыт фирм, занимающихся техническими и рекламными проблемами. У Гоголя по сходному поводу герой говорит: «Легкость в мыслях необыкновенная».

Но вернемся к нашим детям и внукам, коих госпожа Радченко реально готова уподобить сотовым техническим устройствам, дабы оптимально вписать в новое общество. Авторы форсайт-проекта заявляют: «Те, кому сегодня 10–15 лет, к 2030–2040 году будут составлять костяк российского общества. Станет ли подрастающее поколение жить в стране с инновационной экономикой или будет населением «мифовой помойки» – вопрос наших усилий и действий сегодня».

Внимательное рассмотрение форсайт-проекта говорит о том, что детям и внукам нашим предлагают жить именно в инновационной помойке или в среде помоечных инноваций – это уж как получится.

Что же касается того, как именно детей уподобляют техническим устройствам... Читатель вряд ли удивится, если узнает, что авторы проекта уподобляют техническим устройствам не только детей, но и всё на свете. «Будущее создается» – уверены авторы. То есть конструируется – как новое техническое устройство. Поразительно не это заявление, а то самодовольство, с которым его делают авторы: «А как иначе-то?» Мы-то, по своей отсталости, думали, что есть история, возвращающая нечто в своем лоне, есть человеческий дух, стремящийся вперед, к лучшему и светлому будущему. Оказывается, нет. Все моделируется на экранах компьютера – и переносится в бытие человеческое.

Создание будущего – это, прежде всего, смена идеологии и парадигмы в обществе, утверждаемая в проекте. Пришло время сменить приоритеты по отношению к проблеме детства в целом, изменить существующие в общественном сознании косные и устаревшие представления – в основе своей, конечно, советские.

Но кто это все будет менять, авторы не отвечают. Ведь не Международная Методологическая ассоциация это будет менять. Тогда кто? У любого изменения есть субъект. Чем радикальнее изменение, тем мощнее должен быть субъект. А у субъекта есть свои интересы, свои цели, а также многое другое. И цели иногда весьма и весьма зловещие.

Авторы обо всем этом прекрасно знают. Но ни слова об этом не говорят – потому, что продавливают свои инициативы, что называется, «втемную». А при таком продавливании о субъектах говорить запрещено. Как поется в песне, «разговор на эту тему портит нервную систему».

Ну что ж, придется попортить нервную систему авторам, дабы они и стоящие за ними субъекты не попортили ее человечеству.

ЧТО НАМ НАВЯЗЫВАЮТ В КАЧЕСТВЕ БУДУЩЕГО?

Ссылаясь на западную литературу и зарубежный опыт, авторы утверждают, что в мире уже произошла радикальная смена отношения общества к детству. Что традиционное воспитание детей, да и вообще традиционный уклад социальной жизни отстали от требований эпохи. И не справляются с решением необходимых задач. Что на Западе уже существует множество альтернативных форм воспитания. А раз так, негоже нам отставать.

При этом под традиционным воспитанием детей и традиционным укладом семейной жизни авторы подразумевают вовсе не то, что подразумевал Макс Вебер, говоря о разнице между традиционным и современным обществом. Для авторов традиционное – это значит семейное.

Итак, согласно мнению авторов, детство, размещенное в семейных рамках (то есть тех рамках, в которых оно находилось тысячами лет), не решает необходимых задач будущего.

Можно узнать, каких задач? И какого будущего? А может быть, нам такого бу-

дущего не надо? Тем более, что будущее, по мнению авторов, конструируется. Так может, мы сконструируем другое будущее? То есть мы-то, конечно, убеждены, что будущее не конструируется. Но станем на время на точку зрения авторов и скажем: «Вы хотите сконструировать одно будущее, а мы другое. У нас с вами равное право конструировать будущее. Если мир подчиняется не неумолимым тенденциям, а человеческой воле, то наше право ничем не отличается от вашего. И история знает один способ решать, чье право правее. Так может, мы этот способ и применим? Объясним обществу, какое вы и ваши заказчики готовы ему будущее. Предложим обществу другое будущее. Победим в этой борьбе, опираясь на общество. А тех, кто готовит обществу бессемейное детство, отправим на помойку истории. На которой они будут валяться в обнимку с их «бессемейными инновациями».

Впрочем, сначала посмотрим, как авторы описывают свой проект, поскольку они достаточно точно описывают контуры того детства, которое они готовят нашим детям (в отличие от контуров будущего, о котором они умалчивают и во славу которого надо приносить нормальное семейное детство на алтарь антиутопии-2030).

Постсемейное детство, предлагаемое авторами, таково.

Во-первых, это должно быть так называемое «компетентное детство».

Авторы утверждают, что дети должны как можно раньше становиться самостоятельными и компетентными в выборе и построении своей образовательной и жизненной траектории.

За счет чего? Может ли, например, младенец стать абсолютно самостоятельным и компетентным в выборе жизненной траектории? Оказывается, может. Видимо, самостоятельно выбирая жизненную траекторию между своим беззубым ртом и материнской грудью. А раз это может младенец, то ребенок более старшего возраста – и подавно. Таким образом, ребенок в любом возрасте самостоятелен в выборе своей жизненной траектории. Просто траектория меняется. И тут все зависит от того, какова будет жизненная траектория людей в пределах того будущего, которое им навязано авторами. Чем сложнее эта траектория, тем труднее добывать компетентность и самостоятельность, необходимую для правильного движения по этой траектории, не правда ли?

В понятие «труднее добывать» включаются не только усилия, но и время. Нельзя сжать время, коль скоро необходимо добиться высочайшей компетенции, необходимой для движения по очень сложным траекториям. То есть в научной фантастике возможно что угодно: перекачал в мозг ребенка всю компетенцию человечества, и он стал ползать по сложнейшим траекториям, встал в его тело технические модули – и он стал по этой траектории носиться, аки паук из голливудского фильма.

Именно так и рассуждает идеолог и методолог проекта Сергей Попов. Как убежденный сторонник научно-технического прогресса он, например, призывает вообще отменить и семью, и школу – ибо их уже с успехом заменяет интернет: «Основная проблема – это работа со взрослыми... Они отстают от своих детей... Школа не справляется с информационной революцией... Дети в 11–14 лет уходят из дома, перестают общаться с отстойными родителями... Уже сейчас исследования показали, что 70% того, чему дети учатся, они учатся не в школе и не в семье, а в интернете и на улице».

Трудно сказать, чьи исследования и что именно Попову показали, но мы твердо знаем, что в жизни все происходит не так. И когда говорят о том, что дети как можно раньше должны стать самостоятельными и компетентными в выборе и построении жизненной траектории, то имеется в виду вовсе не бред по поводу сращивания ребенка с компьютером и техническими модулями. Вы перед тем, как этот бред предлагать, научитесь имплантаты в десны по-настоящему вкручивать.

Нет, дорогие мои фантасты энд методологи! Имеется в виду предельная прими-

тивизация жизненной траектории ребенка в рамках навязываемого вами будущего. Вам нужен расчеловеченный кретин для кретинической ориентации в кретиническом будущем – для того, чтобы его хозяин одним пинком отправлял кретина по нужной этому хозяину кретинической траектории. Хотите вы именно этого. И не валяйте дурака, утверждая: «Мы люди с фантастической ориентацией и мы в Общественной палате всё обсуждаем для того, чтобы научиться информацию из суперкомпьютера младенцу в мозг перекачивать».

И не вы тут субъект. Вы – рупор очень определенных идей. И вполне понятно, каких.

Сейчас в США в ходу такой термин – Early Childhood Education. Нашим «отсталым традиционным» родителям это словосочетание вряд ли знакомо. Но ничего, возьмем один из пунктов предвыборной кампании Барака Обамы и ознакомимся с тем, с чем едят это самое Early Childhood Education. Тут все абсолютно лишено методологической фантастики в духе трансгуманизма. Тут все так конкретно, что дальше некуда. Причем система Early Childhood Education («Раннее детское образование», по-нашенски) продвигается не только в США. Во всех так называемых развитых странах западного мира ведутся активные дискуссии по поводу создания монстра под названием «компетентный ребенок». Выдаются гранты на создание этого монстра. Проводятся конференции и круглые столы.

Так что же это за монстр? Об этом – в следующей статье.

Вера Сорокина

Страна должна знать своих героев в лицо

Попов С.В. – президент Международной методологической ассоциации, вице-президент благотворительного фонда «Мое поколение», главный идеолог проекта «Детство»

Радченко А.Ф. – руководитель аппарата Общественной Палаты РФ, председатель попечительского совета фонда «Мое поколение»

Мизулина Е.Б. – председатель Комитета ГД по вопросам семьи, женщин и детей

ВОЙНА С ИСТОРИЕЙ

Об исторических откровениях, данных либералами народу России

Уроки истории по Матвиенко и Прохорову

В.Матвиенко

25 октября 2012 года глава Совета Федерации Валентина Матвиенко совершила показательный экскурс в историю России. На проведенном ею в московской гимназии №1543 уроке истории в качестве идеала современной российской политики были названы реформы императора Александра II – образовательная и самоуправление.

Спустя два дня вслед за Матвиенко подался в историю и Михаил Прохоров, предложивший в своей программной речи уничтожить неэффективную «сталинско-ленинскую систему национальных республик».

Как соотносятся новые исторические откровения, данные либералами народу России, – и политическая конкретика?

Урок истории был проведен Матвиенко по приглашению учителя истории одной из наиболее успешных московских гимназий и, по совместительству, либерального колумниста «Московских новостей» Леонида Кацвы. Мероприятие прошло в рамках официально празднуемого Года российской истории, призванного повысить интерес к прошлому и «по-новому взглянуть на настоящее». Рассмотрим же, как именно глава Совета Федерации, ссылаясь на историю, трактовала происходящее в стране.

Матвиенко-«учительница» с воодушевлением рассказала школьникам об образовательной реформе Александра II. И имела дерзость сравнить эту реформу с печально известным законом «Об образовании в РФ». Принятый 17 октября этого года Думой в первом чтении, этот закон призван окончательно оформить введение в России западной Болонской системы. Ну что ж, давайте займемся тем же, чем занималась Матвиенко, – но по-своему.

Образовательная реформа 1864 года ввела в России реальные училища, дававшие техническое образование (в отличие от классического гимназического). В трактовке Матвиенко, тогдашняя реформа «мотивировала молодежь на экономику». В этом, как надо понимать, Матвиенко видит сходство тогдашней и нынешней реформы образования. И их общее отличие от советского образования.

Разбирая эту мудрую мысль, напомним читателю, что после революции реальные училища и гимназии были объединены в единую советскую школу, дававшую широкое гуманитарно-техническое образование. Что реальные училища советская система образования фактически сохранила в форме ФЗУ (школ фабрично-заводского ученичества) и, позже, ПТУ (профессиональных технических училищ), готовивших квалифицированных рабочих. Что в ФЗУ и ПТУ принимали лишь после получения начального образования. И что советская образовательная система признавалась всем миром, как минимум, одной из лучших.

Далее зададимся вопросом – в чем же сходство реформы 1864 года и нынешних безобразий?

Мягко говоря, они суть полная противоположность.

Закон «Об образовании» 2012 г. впервые не закрепляет за начальным профессиональным образованием вообще никакого статуса. Данный уровень образования просто исключен! Если в постперестроечной России ПТУ были переименованы в «техлицей» и «техколледжи» (причем сии «глобальные перемены» сопровождалось снижением уровня обучения), то новый закон этих учреждений элементарно не признает... Таким образом,

Матвиенко, ссылаясь на реформу Александра II, лжет самым фантастическим образом.

Добавим, что Александр II – открывал новые учебные заведения. Нынче же вовсю идет процесс слияния и сокращения вузов.

Наибольшие параллели между образовательным законодательством 1864-го и 2012 годов – в их социальном измерении.

В 2012-м Закон «Об образовании» факто отправляет детские сады, школы и вузы на самообеспечение. В законе отсутствуют гарантии доступности образования. Доля бюджетных расходов на образование – не указана. Обязательства, касающиеся минимального размера зарплаты педагога, – изъяты.

Зато в законе четко указано, что средняя школа будет финансироваться не только бюджетами, но «за счет средств физических и юридических лиц по договорам об оказании платных образовательных услуг». Кроме того, «могут привлекаться средства за счет добровольных пожертвований из целевых взносов». Таким образом, платное образование в средней школе – легализовано!

Добавим, что отсутствие закрепления в законе особого статуса гимназий и лицеев вкуче с общей низкой зарплатой учителей и отсутствием госдотаций быстро превратит эти учреждения в заведения для богатых.

Что же касается того, что нынешняя реформа «мотивирует» подавляющее большинство школьников на экономику, то это не так. Мотивирует она, вводя платное среднее образование, на обязательный минимум для «неплатежеспособных детей» в виде уроков труда и ОБЖ...

Наконец, новый образовательный закон довершает расправу над высшей школой. Текст закона не предоставляет гарантий бесплатной магистратуры в вузах. Как и минимального размера зарплаты вузовских преподавателей. Как и – минимальной стипендии.

При обсуждении в Думе закона «Об образовании» поддержавший его Владимир Жириновский заявил: *«Слишком образованная молодежь рано или поздно устроит в стране революцию»*, – чем емко, хотя и в присутствии ему экстравагантном ключе, выразил подоплеку происходящего.

Реформа образования 2012 года возвращает нас в исторические времена недоступности высшего образования для плебса. Для упрощения процедуры осталось лишь ввести, как в последние годы царствования Александра II, прямое ограничение на принятие в вуз «лиц, материально не обеспеченных».

Н.Лавров. Портрет Александра II (фрагмент)

Глава Совета Федерации выступила в гимназии по еще одному важнейшему вопросу – о самоуправлении.

Реформа самоуправления Александра II передавала уездным и губернским земским управам вопросы местного хозяйства, налогов, бюджета, начального образования и медицинского обслуживания. При этом реформа не грешила народностью: органы крестьянского «самоуправления», вразрез обещанному, зависели сперва от местных дворян в лице мировых посредников, а затем – от полицейской администрации.

В последние годы правления Александр ввел полицейские меры, по сути отменившие местное самоуправление. Власти и полиция получили право отправлять в ссылку любое показавшееся подозрительным лицо, выносить политические дела на суды военных трибуналов и т.д. Известный дореволюционный историк Александр Корнилов в 1909 году назвал данные меры «белым террором».

Матвиенко, рассуждая о «замечательно эффективным» самоуправлении при Александре II (ну что ей до «белого террора»?), радостно поведала школьникам, что и руководство РФ сегодня «как раз продумывает механизм децентрализации власти» – передачи в регионы более широких полномочий, подкрепленных источниками финансирования. И действительно, много лет обсуждавшийся проект децентрализации вновь поставлен на повестку дня.

15 октября на заседании экспертного совета по России при Всемирном экономическом форуме экс-министр финансов Алексей Кудрин призвал правительство проводить «реальную децентрализацию, передавая регионам не только полномочия, но и ресурсы». Присутствовавший на заседании Дмитрий Медведев Кудрина поддержал.

До 1 декабря этого года должна быть утверждена новая государственная Стратегия национальной политики. Пока что обществу предъявлены лишь отдельные расплывчатые пассажи текста. Но во время обсуждения Стратегии в Думе 25 октября ее председатель Сергей Нарышкин уже заявил, что «национальную политику нельзя разрабатывать в отрыве от задач бюджетной децентрализации».

Децентрализация – важнейшая часть «оранжевой» программы, которую болотные либералы сегодня пытаются протолкнуть через медведевскую либеральную часть Кремля. Антисоциальная образовательная реформа вкуче с введением ВТО неизбежно вызовет недовольство в регионах. Введение параллельно децентрализации – ускорит их обособление.

Хотелось бы обратить внимание на то, что оппозиционер Прохоров и облеченная высокой властью Матвиенко говорят по поводу децентрализации фактически одно и то же.

Прохоров в своей программной речи, ополчившись на «сталинско-ленинскую систему национальных республик», в виде альтернативы также предложил бюджетную децентрализацию. Результатом, по сугубо откровенному прохоровскому определению, должна стать превращение России в конгломерат «десяти-пятнадцати самостоятельных земель», которым «чиновник из Москвы не сможет навязывать свою волю».

«Ленинская система» была вынужденной. Факт этот признают даже ненавидящие Ленина западные советологи. Ричард Пайпс указывает, что Ленин в работах до 1917 года подчеркивал желательность ассимиляции нацменьшинств. Но когда меньшинства после революции в категорической форме потребовали независимости, *«Москва вынуждена была предоставить им такого рода политические уступки и культурную автономию, которые раньше были совершенно неприемлемы для Ленина»*.

Сегодня у нас – тоже хрупкая политическая ситуация. После ельцинского разброда («берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить»), республики согласились, во имя сохранения страны, на путинскую вертикаль. Но – не на оскорбления Прохорова.

Прохоров столь неосторожно высказывается по национальному вопросу по глупости? Навряд ли. Его связи с сепаратистами – весьма давние. На ежегодной региональной конференции «Локальные истории», организованной Фондом Прохорова в Норильске совместно с норвежцами и обсуждавшей сепаратистские темы, еще в 2008 г. «блистал» с докладом карельский сепаратист Вадим Штепа.

Прохоров уже в течение года заговаривает (хоть и не в столь громкой форме) об отмене национальных республик. Только ранее он это предлагал еще и «в одном флаконе» с «выделением в зону действия европейского законодательства» – фактически отделением – Калининградской области.

Прохоровскую программу с отделенческим калининградским пунктом готовил в августе 2011 года Владислав Иноземцев, эксперт возглавляемого Дмитрием Медведевым ИНСОРа. Тот самый Иноземцев, который затем стал вовсю заявлять, что Сибирь – «колония России» («Сибири нужна деколонизация» и т.д.)...

М.Прохоров

Европейские политики: составитель Европейской конституции Жиска д'Эстен, бывший германский канцлер Гельмут Шмидт и ряд других персон – давно публично требуют от России поступить по примеру западных стран, освободивших свои колонии, – «освободить занятую ими Сибирь». Часто в качестве виртуального бонуса за такую добровольную жертву предлагается вступление России в Евросоюз (где на самом деле ее, мягко говоря, никто не ждет).

Западные советологи (Пол Гобл и др.) предвкусывают отпадение Татарстана, Якутии и Бурятии.

А гуру российской «оранжевой» «Солидарности» диссидент Владимир Буковский вещает: «Будут еще Дальневосточные республики, королевства Восточной Сибири...».

Единство Матвиенко и Прохорова в вопросе о децентрализации сулит нам очень многое. Но ведь можно говорить и о более широком фронте децентрализаторов! Ну, хорошо, Прохоров – это, так сказать, системный оппозиционер. И потому его единство с властью в ряде вопросов нельзя считать совсем уж экстравагантным. Но как быть с тем, что о децентрализации говорит одновременно либеральное крыло Кремля, системная оппозиция, представляемая Прохоровым, – и совсем уж несистемная оранжевая болотная оппозиция?

Постепенно теряется разница между повесткой дня болотных либералов (оранжевая «махновщина» с провокациями в стиле свободного самоопределения Калининграда и Сибири) и повесткой дня кремлевского либерального лобби. Более того, это самое либеральное лобби одной рукой проводит реформы, порождающие желание регионов дистанцироваться от центра, а другой рукой – поощряет эту децентрализацию.

Так кто опаснее – либеральное кремлевское лобби или оранжойды? И так ли они далеко отстоят друг от друга? Ведь еще в эпоху митингов на Болотной и Сахарова и признаний Удальцова в любви к Медведеву мы понимали, что отстоят они очень недалеко.

Движение «Суть времени» в своей деятельности исходило и будет исходить из этого.

Ирина Кургиян

МИРОУСТРОИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА

При наличии такого исламистского контекста неумудрено искать защиты в тюркизме

Новые угрозы в Центральной Азии

В прошлый раз мы задались вопросом о том, что заставило казахстанского президента Н.А.Назарбаева сделать в Турции резкое заявление в пантюркистском ключе, которое так изумило многочисленных наблюдателей в СНГ. Для того, чтобы начать отвечать на этот вопрос, необходимо охарактеризовать террористическую и религиозно-экстремистскую обстановку и в Казахстане, и в других странах Центральной Азии.

Надо подчеркнуть, что в последние десятилетия – особенно в связи с расцветом в афганской Зоне племен движения Талибан – обстановка в центральноазиатском регионе близка к пожароопасной. Тем не менее, Казахстан всегда оставался одним из самых стабильных государств региона. И вот теперь картина принципиально меняется.

Мало того, что Южный Казахстан давно уже избран и освоен в качестве перевалочной базы для боевиков, переправляемых из Пакистана и Афганистана в Ферганскую долину (в первую очередь, ее узбекскую часть). Теперь и само казахское государство превратилось в мишень для террористов.

Активизация экстремизма в Казахстане началась еще в 2011 году, когда по стране покатила волна терактов. Причем объектами терактов неизменно были сотрудники силовых структур. Одним из самых громких событий этого периода была войсковая операция против группировки салафитов в Актюбинской области в начале июля 2011 года. Скажем сразу, что таких терактов гораздо больше, но перечислить здесь все их просто невозможно. Поэтому приходится называть лишь самые крупные акции.

31 октября 2011 года в Атырау возле административных зданий произошли взрывы с использованием смертников. Ответственность за взрывы взяла на себя только что созданная группировка «Джунд-аль-Халифат» («Солдаты халифата»), ранее в Казахстане неизвестная. Группировка, по данным генпрокуратуры, была сформирована гражданами Казахстана, скрывающимися на юге Афганистана.

Уже после взрывов в Атырау на одном из форумов «Аль-Каиды» появилось интервью лидера «Солдат халифата» Рафиля Кусаинова, в котором говорилось, что в группировку входят борцы за возрождение исламского халифата из Афганистана, Казахстана и других стран. Лидер группировки призвал своих сторонников учиться на примере «арабской весны», как избавляться от правительства.

И это – только «верхушка» прошлогоднего событийного айсберга. А в 2012-м, совсем уже недавно произошла целая серия инцидентов, после которых становится ясно окончательно, что ситуация более чем серьезная.

11 июля 2012 года в поселке Таусамалы Алматинской области произошел взрыв. После этого в одном из домов поселка нашли восьмерых погибших в результате самопроизвольного подрыва взрывного устройства, а также детали для самодельных взрывных устройств, религиозную литературу, деньги и фрагменты полицейской формы.

В середине августа 2012 года на территории Иле-Алатауского национального парка в той же Алматинской области были найдены тела восьми человек, погибших от ножевых ранений. По национальности погибшие были русскими и украинцами, один из них был егерем. Позже нашли еще четверых убитых. Долгое время не появлялось никакой подтвержденной информации о том, как случилось это массовое убийство. И только к концу сентября правоохранительные органы Казахстана скупо сообщили, что в связи с этим делом разыскиваются двое участников радикального течения ислама, которые «намерены совершить теракт против правоохранительных органов с использованием формы сотрудников полиции». Такая формулировка уже стала привычной для Казахстана.

5 сентября в Атырау в частном доме произошел взрыв самодельного взрывного устройства, в результате которого погиб хозяин дома. При расследовании установили, что и он тоже планировал теракты против сотрудников силовых структур.

Все эти теракты являются отдельными, все более частыми точками на общей картине, которая пока ясна не до конца. Но региональные электронные СМИ уже дают приличный список более или менее известных исламистских группировок, действующих сейчас на территории Казахстана. Список заворачивает: «Исламское движение Узбекистана», «Джамаат моджахедов Центральной Азии», «Хизб-ут-Тахрир», «Таблиги джамаат» «Жайшуль махди» из Кыргызстана, уйгуры «Исламского движения Восточного Туркестана», «Организация освобождения Восточного Туркестана», уйгурская «Шарк Азатлык Ташкилати»... Что сказать? Это цвет центральноазиатского моджахедизма. Например, организация «Джамаат моджахедов Центральной Азии», уже много лет запрещенная в Казахстане, была частью международной сети «Аль-Каиды». Таков сегодняшний «стабильный Казахстан».

Таким образом, Казахстан из перевалочной базы превратился в поле массивированной террористической деятельности, явным образом направленной на его дестабилизацию. Роль же перевалочной базы в настоящий момент в значительной степени передана Киргизии.

Атмосферу, которая царит сегодня в центральноазиатском регионе, ярко характеризует необычайно откровенное высказывание директора киргизского аналитического центра «Религия, право и политика» Кадыра Маликова, которое стало скандально известным совсем недавно, в октябре этого года. Маликов заявил: *«Мы в Киргизии создали негласную диалоговую площадку, на которой присутствуют представители всех запрещенных радикальных группировок. И мы пришли к ним к договору: на территории Киргизии не взрывать, не стрелять. Это все, что нам нужно, – больше ничего. А то, что они работают, переправляют миссионеров, агитируют – пожалуйста. Таким образом, Киргизия превращается в нейтральную площадку, возможно, представляющую угрозу для сопредельных государств, например, для Китая. Но что делать, для соблюдения национальной безопасности Киргизии это допустимо».*

Первый же вопрос, который вызывает это высказывание Кадыра Маликова – это вопрос о масштабах присутствия исламских экстремистов в Киргизии. На этот счет имеются частичные данные, озвученные не так давно на прошедшей в Киргизии междуна-

родной конференции «Исламское религиозное образование в светских обществах». По этим данным, в Киргизии «согласно докладу Госдепа США, с 2006 по 2008 годы численность сторонников «Хизб-ут-Тахрир» увеличилась с 5 до 15 тысяч» (!!!). Если это так (а за последующие годы такое количество последователей халифатистов в стране вряд ли могло само собой рассосаться), то хочется спросить – о каком договоре с такой террористической армией можно говорить? Ведь в Киргизии, между прочим, численность государственной армии, по официальным данным – 15 тысяч. При чем тут тогда вообще «нейтральная площадка»? Если названные цифры не являются пропагандистским преувеличением, если они верны или хотя бы близки к правде, то это – радикалистский плацдарм для всей Центральной Азии и не только для нее. И в этом случае надо смотреть правде в глаза и сказать, что перед нами формирующийся «новый Талибан», так сказать, приспособленный для наших широт.

Сначала это все оформляется, а потом... Потом оказывается, что и в Казахстане то и дело происходят взрывы, и в Таджикистане только за текущий год ликвидированы несколько экстремистских ячеек: и «Хизб-ут-Тахрир», и «Исламское движение Узбекистана», и ряд других. Вдумаем, в текущем году в Казахстане пресечена деятельность 200 членов крупной международной миссионерской организации «Таблиги джамаат». А ведь это весьма значительный десант. Но даже это уже мелочи в сравнении с тем, что, по данным на начало нынешней осени, в Казахстане существует около 50 религиозных джамаатов, то есть общин салафитского толка. В Дагестане в 1999 году хватило двух крупных общин, чтобы началась война. По-видимому, только прикованностью внимания экспертов к событиям на Ближнем Востоке можно объяснить тот факт, что эта цифра до сих пор не оценена по достоинству.

А теперь поместим недавнее выступление президента Казахстана Н.Назарбаева в Турции с призывом к общетюркскому воссоединению именно в этот контекст. И признаем, что при наличии такого исламистского контекста неумудрено искать защиты в тюркизме. Другой вопрос, насколько тюркское единство может помочь попыткам удержать стабильность. Пока что пантюркистское общество не очень торопится эту защиту предоставлять: дело-то ой какое нештучное.

В связи с этим любопытно взглянуть на сегодняшнюю политику западной коалиции во главе с США в Афганистане – в условиях уменьшения натовского контингента в этой стране. Там идет массивированный разгром силами коалиции формирований «Исламского движения Узбекистана» (ИДУ). А это крупное боевое объединение центральноазиатского происхождения, воспитанное в лагерях пакистанского Вазирстана и тренированное в афганских боевых действиях. Масштаб воздействия со стороны западной коалиции впечатляет – только в провинции Кундуз с начала года было проведено 12 рейдов против боевиков ИДУ. А ведь еще недавно на

Западе писали, что «Исламское движение Узбекистана» – это чуть ли не дугая величина. Теперь же параллельно с рейдами коалиционные войска ведут поиск и уничтожение лидеров ИДУ. Так, Усман Адыл (прежний лидер этой организации, при котором она выросла и укрепилась) был уничтожен в апреле 2012 года на территории Пакистана.

С одной стороны, наблюдается явная смена делаемых США ставок: поддержка бурного роста ИДУ сменилась яростной борьбой с этой организацией. С другой стороны, возникает естественный вопрос: куда двинутся уничтожаемые остатки? Не домой ли, в свой регион?

И наконец, есть существенная разница между «Исламским движением Узбекистана», вчерашним лидером среди экстремистских организаций Центральной Азии, и «Хизб-ут-Тахрир», которая сегодня все увереннее выходит на первые роли.

ИДУ – это объединение, уже в самом названии которого заложена его региональная ограниченность. Изначально эта организация нацелена на активность именно в странах, на территории которых расположено радикально-исламистское ядро региона – Ферганская долина. Это Узбекистан, Таджикистан и Киргизия. Казахстан, конечно, тоже давно затронут присутствием боевиков ИДУ, но больше именно в качестве перевалочной базы по дороге в зону Ферганской долины. В случае необходимости разогрева более широкого пространства «Исламское движение Узбекистана» начнет терять опору и должно будет вступить в коалицию с другими региональными союзниками. Выше мы уже привели примерный состав этих союзников – региональных экстремистских организаций.

Другое дело «Хизб-ут тахрир». Это организация универсалистская, с единой наднациональной установкой (борьба за обустройство халифата в современности – в пределе во всемирном масштабе, что недвусмысленно демонстрируют карты организации). Для такой структуры любая экстремистская исламистская группировка с национально-религиозной основой – это возможный материал для своего усиления и расширения. И вот теперь, как мы видим, «Хизб-ут-Тахрир», набирая адептов, доводит их число в Центральной Азии до такого, которое способно серьезно изменить ситуацию в регионе.

Все вышеприведенные обстоятельства ставят вопрос (уже во многом риторический) о прочности нынешнего политического устройства центрально-азиатского региона. А также о том, чем обернется для России бурный расцвет «Хизб-ут-Тахрир» в так называемом южном подбрюшье. Эта опасность очевидна уже и без аналитических выкладок. И если все еще разбросанные по разным странам Центральной Азии экстремистские ядра сумеют соединиться, то в этом регионе начнется нечто такое, чего там не было никогда. И что вполне может стать детонатором полноценной мироустроительной войны.

Мария Подкопаева

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ВОЙНА

США нужно срочно и активно пересаживаться на другую «концептуальную лошадь»

Если не столкновение цивилизаций, то что?

Вначале – две цитаты по теме.

ИТАР-ТАСС, дайджест «Эхо планеты», 10 октября 2012 г.: «*Антизападные погромы в ответ на антимусульманский фильм вновь всколыхнули разговоры о нарастающем столкновении цивилизаций. Трения между западным христианским и исламским мирами, конечно, налицо, и обусловлены они целым букетом серьезных и долгоиграющих факторов.*

ВВСnews, 29 октября 2012 г.: «*Нововведения в порядок празднования Дня Республики, заявленные исламским руководством Турции – такие, как запрет женщинам появляться на торжествах в президентском дворце без хиджабов, запрет на проведение ежегодного митинга широких гражданских сил под лозунгом «Единство родины и свободы», – ряд турецких политиков назвали «внутренним столкновением цивилизаций».*

Как мы видим, концепт Хантингтона «Столкновение цивилизаций» все еще в ходу. И в серьезном, и в ироническом контексте. Хотя критикуют его уже почти 20 лет. О какой же критике идет речь?

Конечно, самую жесткую критическую позицию сразу заняли либеральные сторонники фукуямовского концепта «конца истории». И понятно, почему: ведь «воинственный цивилизационизм» Хантингтона полностью дискредитировал и обесмысливал их концептуальное кредо.

«Фукуямовцы» буквально закричали: мол, как же так! Мы ведь видим, что весь мир «пропитывается» западной культурой, и потому повсеместно модернизация приобретает характер вестернизации. Мы видим, что растет количество стран, принимающих нормы демократии, что везде, лучше или хуже, проходят либеральные политические и экономические реформы. Мы видим, что везде утверждается неосстановимое стремление к западным стандартам и культуре потребления. Какое там «столкновение цивилизаций»!

А то, что написал Хантингтон – это лишь неубедительные перепевы Арнольда Тойнби с его «постижением истории». Или попросту плохо скрытый плагиат, чуть приспособленный к современности, но от этого не ставший ближе к истине.

Далее говорится, что даже очень болезненные (в том числе, военные) исторические столкновения религий и культур – в конечном итоге, приводят к их глубокому взаимообогащению и «переплетению». Так, например, японский исследователь Сайзабуро Сато напоминает, что западноевропейское Возрождение было в решающей степени связано своим появлением контактами с исламской религией, культурой, наукой, которые начались с эпохи Крестовых походов.

Однако после терактов 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне голоса сторонников Фукуямы заметно поутихли. Первое десятилетие XXI века опровергало «конец истории» слишком наглядно. И не только разбухающим терроризмом и большими и малыми «горячими войнами». О том же все яснее говорили «антилиберальные» законодательные новации в ключевых, якобы «постисторических» странах – от «Патриотического акта» в США, резко ограничивающего личные свободы граждан, до жестких законов против иммигрантов в Европе. Об этом же говорили и откровенно антилиберальные изъятия из сферы свободной (якобы либеральной) международной торговли крупнейших сегментов национальных экономик «постисторических» стран Запады – от энергетики и инфраструктуры до предприятий хайтека.

Но критиковали концепт «столкновения цивилизаций» не только сторонники Фукуямы.

Некоторые противники Хантингтона занялись анализом тех случаев, когда Хантингтон при выявлении специфики конкретных цивилизаций отчетливо грешил против своих же критериев их выделения. Так, например, профессор Джорджтаунского университета и бывший постпред США в ООН Джин Киркпатрик писала, что если исходить из критериев, перечисленных Хантингтоном (язык, история, религия, обычаи, институты, самоидентификация), то непонятно, почему он выделяет из Запады латиноамериканскую

и православную цивилизации. Ведь Латинская Америка в целом глубоко пропитана католической религиозной идентификацией и западной культурой. Но и Православие (включая его теологию, литургию и основные святоотеческие источники), и марксизм-ленинизм, и литература Александра Пушкина и Льва Толстого – это безусловные ответвления или проявления культуры Запады. И значит, выделение Хантингтоном Православной цивилизации, отличной от Западной, тоже не имеет серьезных оснований.

Другие критики концепта «столкновения цивилизаций» доказывали, что подавляющее большинство конфликтов Нового и Новейшего времени происходят не между выделяемыми так или иначе «цивилизациями», а именно внутри общностей, достаточно близко связанных историей, религией и культурой.

Как быть концепту Хантингтона, например, с многовековым конфликтом между шиитами и суннитами в рамках якобы единой Исламской цивилизации? Как быть с европейскими религиозными войнами времен Реформации в Западной цивилизации? И ведь Первая и Вторая мировые войны происходили, по сути, в основном внутри якобы единой цивилизации Запады! И как быть с острейшими конфликтами между различными вероучительными школами (мазхабами) даже внутри суннитского ислама?

Далее, огромное число военных конфликтов и в Африке, и в Азии происходит между этническими или племенными группами, исповедующими одну и ту же религию. И идут эти конфликты не между культурами, а за ресурсы – территории, скот, пастбища, воду и т.д. – как и сотни или даже тысячи лет назад.

Хантингтон в последующих публикациях («Если не цивилизации, то что?», «Кто мы?» и других) пытается отвечать на возражения. Однако его ответы старательно обходят большинство конкретных «критических стрел». Сначала он оговаривает, цитируя автора «Структуры научных революций» Томаса Куна, что «для того, чтобы быть принятой в качестве парадигмы, теория должна выглядеть лучше, чем ее соперники, но от нее не требуется объяснять все факты, с которыми она может быть сопоставлена». Но далее его возражения на критику, по сути, сводятся к следующему основному тезису: «А что вы можете предложить взамен моего цивилизационного концепта?».

Хантингтон перечисляет: конфликт идеологий времен Второй мировой и холодной войн – ушел в прошлое. Концепция разделенного первого, второго и третьего миров рухнет у нас на глазах по мере модерниза-

ции развивающихся стран. Деление мира на богатый Север и бедный Юг или отнесение стран к демократическим и недемократическим – нередко спорно и помогает понять мир лишь отчасти. В официализированную систему международных отношений, кроме множества государств, настойчиво вмешиваются религиозные, политические и экономические союзы, ТНК, некоммерческие организации, частные лица и т. д. Единой и окончательной универсальной мировой цивилизации (по Фукуяме) в обозримой исторической перспективе не может быть, потому что «только всемирная власть способна создать всемирную цивилизацию». Но тогда, спрашивает Хантингтон, в какую систему координат, кроме цивилизационной, можно поместить современный мир?

При этом уже в статье «Если не цивилизации, то что?», вышедшей в конце 1993 г., Хантингтон пишет об опасности для Америки идеологии мультикультурализма и, прежде всего, предоставления особых прав «цветным» и инокультурным группам. И подчеркивает, что «это способствует столкновению цивилизаций внутри США...».

И наконец, в одной из последних крупных работ «Кто мы?», опубликованной в 2004 г., Хантингтон до конца проговаривается о целях, которые ставили инициаторы вброса и раскрутки его концепта. Он пишет: если у Америки не будет существовать определенного «образа врага», то единству общества может быстро прийти конец. Чтобы не потерять единство и национальную идентичность, Америке необходимы враг и война за пределами страны... Тут и выясняется в полной мере, зачем после окончания «холодной войны» начали готовить и «раскручивать» этот явно «подударный» и противоречивый концепт и зачем он был «взят на знамя» – именно как концептуальное оружие! – командой президента Буша-младшего.

Подударность этого концепта, между тем, была ясна с самого начала, и не только из его критики, перечисленной выше. Концепт имеет право на это название лишь постольку, поскольку строится на серьезном научном фундаменте. А Хантингтон положил в основу своих концептуальных наработок принадлежащий Освальду Шпенглеру и развитый Арнольдом Тойнби принцип выделения цивилизации как «монады».

Тойнби в огромном 12-томном труде «Постижение истории» определил свой исследовательский подход как «культурно-историческую монадологию». То есть, перенес данное Лейбницем тремя столетиями ранее философское понятие «монады» –

автономной, полностью закрытой от любых внешних связей сущности – на цивилизации, основанные на религиозно-культурной отличительности и даже исключительности.

Но «религиозно-культурную монаду» можно вообразить (хотя с трудом) в какой-нибудь затерянной межгорной долине, где небольшое племя живет средневековым укладом в полном отрыве от остального мира. А в глобализированном мире какие «монады»? В нем «монады», по определению, невозможны!

Хантингтон не раз признает, что, мол, и границы между цивилизациями размыты... и «страновое» деление мира нередко содержит на одной территории несколько разных «цивилизационных анклавов»... и с «монадным» единством религиозно-культурного фундамента цивилизаций есть сложности (и не только на «угасающем Западе»)... Тем не менее, и он сам, и его «группы поддержки» в ученом и политическом сообществе и СМИ много лет – прежде, чем окончательно «открыть карты» в 2004 году – настойчиво проповедают цивилизационно-монадный концепт.

Однако к середине первого десятилетия XXI века властную команду президента США Джорджа Буша концепт Хантингтона явно перестал устраивать.

Во-первых, сам Буш постепенно меняет свою публичную риторику, все дальше уходя от первоначальной «военно-цивилизационной» заявки 2001 года на «крестовый поход против исламской угрозы». Сначала эта риторика была заменена на «войну с радикальным исламом», а далее – смягчена до «борьбы с терроризмом».

Во-вторых, госсекретарь США Кондолиза Райс 20 июня 2005 года заявила в своем выступлении в Американском университете в Каире: «*В течение 60 лет моя страна... преследовала... на Ближнем Востоке цели стабильности, поступая при этом демократией, – и мы не достигли ни того, ни другого. Мы меняем курс... Настало время отбросить все оправдания, сдерживающие тяжелую работу демократии.*

А через три месяца президент Буш, выступая в США в Национальном фонде демократии, уточнил: «*Мы поощряем наших друзей на Ближнем Востоке... Мы вместе с диссидентами и смелыми против деспотических режимов, потому что мы знаем, что сегодняшние диссиденты завтра будут демократическими лидерами.*

О том, чем была вызвана столь резкая и решительная «смена курса», заявленная Райс, Бушем и далее многими другими, – мы подробно написали в книге «Политическое цунами». Здесь я лишь напомню главное для нашей темы.

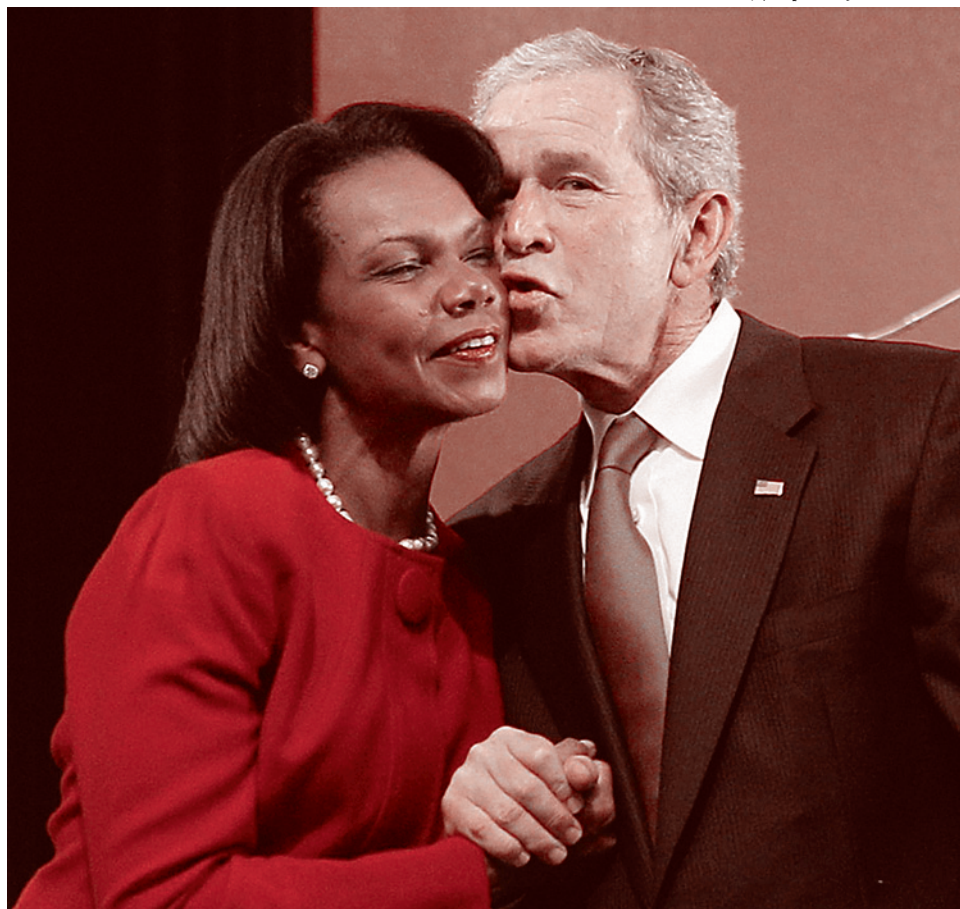
К этому времени стало предельно понятно, что США, даже при поддержке некоторых стран НАТО (которая оказалась гораздо меньше, чем предполагалось) – «не тянут» одновременно две войны в Ираке и Афганистане, а заодно еще и «глобальную контртеррористическую войну» с «Аль-Каидой». Нет достаточного количества солдат и, главное, нет того «имперского драйва», без которого любые легионы с любым оружием побеждать не могут.

То есть, опыт начатой в рамках концепции Хантингтона американской «конфликтно-цивилизаторской пробы пера» быстро показал, что даже реализовать цель официально принятой Стратегии национальной безопасности США – «победное ведение одновременно двух локальных войн в разных регионах мира» – Америка не в силах. А ведь у Хантингтона в его концепте было напоминание о том, что «В среднесрочной перспективе основная борьба завяжется между Западом и странами, принадлежащими к «исламской» или «конфуцианской» цивилизациям...». И становилось ясно, что если уж с «исламской цивилизацией» возникли такие проблемы, то с Китаем эти проблемы будут на порядок сложнее.

А значит, США было нужно срочно и активно пересаживаться на другую «концептуальную лошадь». Таковую, которая станет новым – и посильным для Америки – концептуальным оружием.

Об этом – в следующей статье.

Юрий Бялый

Кондолиза Райс и Джордж Буш-младший

ВОЙНА ИДЕЙ

Наглость, с которой наши западники, обнимаясь с нацистами, попрекают нацизмом ни в чем не повинный русский народ, стократно кроет все их прежние рекорды

Под либеральной маской

Каково подлинное содержание неолиберализма, знамя которого вывешено на фасаде западного дома, в который российская власть уже два с лишним десятилетия намеревается ввести страну – без видимого успеха, но с неослабевающим упорством?

Наши либероиды-западники уверяют, что это всё тот же, ископек веку известный и лишь слегка подправленный в соответствии с современностью буржуазный либерализм. И ругают наших консерваторов-почвенников, власть и «немтыю Россию» за вопиющее несоответствие западным стандартам, мешающее «подлинным либералам и демократам» слиться в экстазе со своими духовными братьями.

Чего в этой перманентной прозападной истерике больше – искреннего заблуждения слишком уж неглубоких людей или расчетливых действий людей, мягко скажем, ангажированных – вопрос отдельный и, конечно, существенный. Потому что со второй категорией говорить вовсе не о чем, а первую можно еще как-то обращать к реальности.

На наших глазах Запад отказывается от всего, что составляло ранее его идейное содержание. Вдумаем, капитализм пришел в мир вовсе не с идеей обогащения одних и разорения других. Он провозгласил свободу, равенство, братство. Он ликвидировал сословное неравенство. Он сделал суверенном не монарха, а народ. Он пообещал, что все, даже отставшие в развитии колониальные страны, рано или поздно поднимутся до уровня передовых.

Конечно, и тогда практика капитализма радикально отличалась от его деклараций. Но те декларации не были пустыми словами. Наука и культура бурно развивались. Техническое развитие приносило отнюдь не только тяготы. Буржуазная классическая мораль, буржуазная классическая семья, верховенство закона, карающего не только бедных, но и богатых, постепенное освобождение всё новых групп населения от дискриминации. Таков был классический буржуазный Запад.

Да, он к этому не сводился. Хищная природа капитализма прекрасно описана в том же «Манифесте Коммунистической партии». А те, кто считают «Манифест» клеветой на буржуазное благолепие – пусть обратятся к Гюго, Золя, Диккенсу, Теккерею и другим. Кому же и этого мало – пусть познакомятся с полноценными историческими свидетельствами, говорящими о том, что «Манифест Коммунистической партии» всего лишь беспощадно отражал реальность своей эпохи.

Но, повторяю, тогда буржуазный Запад имел нечто за душой. От него тогда не разлило за версту мертвечиной.

Что же теперь?

Теперь западный капитализм не просто освобождается от своего идейного содержания. Он вырабатывает антисодержание. И стремительно превращается в клуб господ. Господа эти не могут укрепить господство ничем, кроме разврата, насилия и демагогии. Они развращают человечество, лишая его накопленных за тысячелетия смыслов. Они уничтожают несогласных. И они нагло лгут, чтобы хоть как-то объяснить учиняемое насилие. Лгут, наплевав на все приличия и нормы.

Международное право растоптано? Да! – Югославия, Ирак, Ливия... Вчерашние «прогрессоры» под видом «глобального пробуждения» насаждают по миру крайние формы реакции и мракобесия. Они помогают озверелым бесчеловечным фанатикам, сбрасывая бомбы на непокорные страны. Они вооружают современным оружием насильников и бандитов. И... дают своим противоправным акциям на чужих территориях высочайшие наименования.

Мораль? Она осквернена не в меньшей степени, чем право. Ювенальные бесчинства имеют какое-нибудь отношение к классическим буржуазным нормам? Извращения, глумление над религиозными чувствами, проповедь порока и разврата. Суррогаты вместо любви, добра, справедливости и свободы. Разве не это является реальным содержанием сегодняшней западной жизни? Об этом говорят слишком многие на самом Западе.

А что же наши апологеты Запада? Что-то изменилось в оценке? Ничуть нет, пропаганда еще наглей!

Доктор политических наук г-н Пастухов – я уже адресовала к его статье в «Новой газете» – грозит пальчиком из Оксфорда и заявляет, что присяга Западу является единственным патентованным средством от фашизма, а наш отказ от этого средства равносильно погружению в фашизм. Да, вот так. И не просто заявляет, а как бы даже доказывает. Что дает возможность познакомиться с шулерскими способами воздействия на умы. Приятную в чем-то возможность.

Начинаются «доказательства» господина Пастухова с отсылки к некоему анонимному труду под названием «Проект Россия» (он отнюдь не нов) и утверждения, что в России все будто бы происходит в строгом соответствии с изложенным там. Подобное утверждение автоматически должно было бы перевести почтенного оксфордского политолога в разряд доморощенных конспирологов. Однако политолог знает о своей безнаказанности – ведь конспирология порицаема лишь в случае, когда речь о Западе, а если о России, то все позволено. И «Новая газета» это знает. И – печатает. Чем, по степени конспирологичности, отличается анонимный «Проект Россия» от столь же анонимных «Протоколов сионских мудрецов»? Да ничем. Жанр выдержан строго.

Итак, (по Пастухову) сидят в бункере авторы этого таинственного сочинения, шевелят пальцами, на которые надеты таинственные нити... и дергаются разные куклы – идеологические, политические, экономические и иные. Вот и все, что можно сказать о процессах в России. Нет процессов, знаете ли. Есть необъяснимая каверзная метаморфоза. Обретался в глубоком подполье этаким закомлексованным маргиналом, мучимый (так по Пастухову) падением Берлинской стены. И производил на свет божий реакционную духовную отрыжку. А затем вдруг оказалось, что маргинал – это вовсе не маргинал, а всецельный демиург, повествующий о России, о ее будущем. Удивительно! Известен даже момент, когда произошла метаморфоза. Произошла она, когда (цитирую) «*суверенная демократия вместе со своим вдохновителем Владиславом Сурковым съехала из Кремля*». Тогда-то (вновь цитирую) «*тотальная идеология* (имеются в виду протоколы под названием «Проект Россия» – М.М.) *стала полуофициальной, а затем и официальной*». Ну вот! Вот мы и узнали, что Сурков своим пребыванием в Кремле спасал страну от фашизации и препятствовал всецелию «Проекта Россия». А потом Сурков был удален из Кремля, и тогда – в силу новых кремлевских веяний – «Проект Россия» встал в полный рост.

Представитель русскоязычной оксфордской мысли предупреждает глупый Запад: «Зря вы недооцениваете демонический режим Путина! Его кукловодом, приобретшим теперь абсолютную власть, является глубоко засекреченный автор книги «Проект Россия»! А вся российская жизнь – это миазмы, источаемые волшебной книгой...» Скажете, голословное заявление, подменяющее анализ реальных процессов? Конечно. А зачем доказательства, зачем понимать процессы?

Если их можно моделировать и запускать в нужное русло? Компенсировать недостаток логики авторитетным кликушеством.

Как это делается? Пожалуйста! Следим за рукой.

Анализ содержания реальных процессов, каковые г-на Пастухова не интересуют вовсе, он заменяет цитатой из сочинения одного ныне покойного интеллектуала. Поскольку цитате нужно придать статус нового библейского пророчества, он называет покойника «гениальным»: «*В начале лихих девяностых гениальный Вадим Цымбурский определил фашизм как восстание нации против попыток вписать ее в миропорядок на правах нации второго сорта*».

Что это за определение вдруг такое? Описанное есть фашизм? Да ну что вы, какой фашизм! То, что Цымбурский описал – «восстание нации против...» и т.д. – является в чистом виде национально-освободительной борьбой. А вовсе не фашизмом. Но ведь сказано, что автор «гениальный» – авось проскочит! Тем более что про веймарский синдром все слышали, и подмена может оказаться незамеченной.

Но поскольку мы всё же не столь доверчивы, то интересуемся: что, к 1938 году Германия не была супердержавой? Что, кто-то хотел вписать ее в непрестижный и дискомфортный для нее мировой порядок на правах нации второго сорта? Да она сама вписывала всех, а перед ней лебезили в Мюнхене. Тогда, может быть, Германия к 1938 году перестала быть фашистской? Вроде бы тоже нет. Ну, и что будем делать с «гениальным» определением фашизма?

Гитлер развязал Вторую мировую войну, будучи вполне фашистом. И именно поэтому. Что не есть секрет. Фашисты бредили новым мировым порядком, и ни на что, кроме господства над миром, согласны не были. Вот это специфическое мироустройство и особый тип господства над человечеством и являются фашизмом. Если бы на его пути не встал Советский Союз, то и Рузвельт, и Черчилль, и Даллес, и Итон, и все остальные сильные мира сего жили бы под пятой Гитлера. И Пастухов жил бы под пятой Гитлера, и Цымбурский. Если бы их родители, конечно, не были «сокращены» в период становления нового мирового порядка.

И вот тут возникает последний вопрос к озвученной Пастуховым цитате. А почему Россия, тоже проигравшая в Первой мировой войне, тоже обкромсанная и голодающая, подписавшая «похабный» Брестский мир и подвергшаяся интервенции со стороны европейских стран, почему она не пошла по пути фашизма? Если это такой фатум для униженного национального сознания? Почему она-то пошла другим путем?

Да потому, что Россию-СССР никто даже временно в дискомфортный для нее мировой порядок (спасибо В.Цымбурскому за подсказку) благодаря большевикам не вписал. И нацией второго сорта не сделал – «у советских собственная гордость!» Она вышла из мирового порядка и стала строить свой. Трудности были, да, но была и вдохновляющая мечта.

«Дяденька,
что вы делаете тут,
столько
больших дядей?»
Что?
Социализм:
свободный труд
Свободно
собранных людей.

И не надо в этом месте радостно вопить про «тождество» коммунизма и фашизма – слишком грубая подтасовка. Мечту об обществе равенства и справедливости для всех наций, о развитии и творчестве всех без исключения людей путать с мечтой о подавлении «высшими» нациями и особями «низших» – могут только вконец оборзевшие пропагандисты. Причем не чего-нибудь, а именно фашизма!

Сейчас старым шулерским приемом, известным по перестройке, вытаскивается из рукава жупел «русского фашизма» и начинается вторая его раскрутка. Поменять верх с низом, низ с верхом, назвать коммунизм фашизмом, а либеральный фашизм антифашизмом – сугубо перестроечная затея. «Если русского фашизма нет, его надо создать», – вот что было сказано, и что делается с начала 90-х. Фашизма не было, не было и почвы для него. Решив, что он тут нужен, стали создавать почву (национальное унижение, вписывание на правах второго сорта...). Стали создавать и фашистские организации-артефакты. Сколько-то за двадцать лет насоздавали. Вот только генезис... покажите, пожалуйста, генезис этих организаций! Карты свои крапленые покажите, господа либералы! Не хотят. Но и скрыть причастности не могут – вот ведь что впечатляет.

В.Цымбурский в простоте своей (той, что хуже воровства, но мы ему благодарны) озвучивает «ноу хау» заказчиков «неизбежного» русского фашизма. Ведь насколько его горе-определение не имеет отношения к сути фашизма, настолько оно описывает замысел, по которому всё должно разворачиваться в России, дабы секвестрировать её, наконец. Проходят годы работы над заданной темой, аж десятилетие, и вот появляются безымянные (а как иначе?) «протоколы» (они же «Проект Россия»). В кожаном переплете с тиснением (всё чин-чинарем!) эти анонимы гуляют по московским кабинетам. Сея недоумения и легкие пересуды, а больше – скуку. И о них забывают – потому что написано, прямо скажем, без огонька и ничего не отражает. Проходит еще немного лет, и вот «Новая газета» открывает статью Б.Пастухова сезон антифашистского кликушества.

Что это? Да конечно же, оперативное мероприятие. Тут Пастухов прав. Крупное оперативное мероприятие входит в завершающую фазу. И очень важно, наконец, сказать, что борьба с фашизмом наших западников – это типичное «держи вора!»

Русские фашисты сегодня – часть «болотной оппозиции». Их никто оттуда не гонит. И это очень логично в свете общемировой «картины маслом» под названием либеральный фашизм. Но наглость, с которой наши западники, обнимаясь с нацистами, попрекают нацизмом ни в чем не повинный русский народ, стократно кроет все их прежние рекорды.

Мария Мамиконян

Фашисты на «Марше миллионов» в Москве, 12 июня 2012 г. Фото: Sergei Karjukhin

ДИФФУЗНЫЕ СЕПАРАТИСТСКИЕ ВОЙНЫ

Заявления о необходимости смены Конституции РФ подталкивают страну сначала к новым межнациональным конфликтам, а уже потом – к неминуемому распаду

Двадцать лет спустя

А така на Конституцию – одно из обязательных направлений диффузной сепаратистской войны.

И так ли уж важно, хотят ли недовольные Конституцией именно и только развала России, ак карельский регионалист Штепа. Или они, как большинство «белоленточников», всего лишь мечтают о низвержении данной политической системы. Но так горячо мечтают, что готовы ради этого на разрушение государства. А есть и такие, которые своими заявлениями о необходимости смены Конституции РФ подталкивают страну сначала к новым межнациональным конфликтам, а уже потом – к неминуемому распаду.

27 октября 2012 года состоялся первый общероссийский съезд партии «Гражданская платформа», на котором ее лидер М.Прохоров заявил буквально следующее: *«Так ли эффективно разделение нашей страны на национальные округа и национальные республики... Не лучше ли нам... перейти к изменению территории с точки зрения экономической целесообразности. Да, для этого придется менять Конституцию, да, нужны радикальные изменения межбюджетной системы с переносом основных средств и доходов в муниципальные образования».*

Не успев молодой политик повторить буквально то, за что еще с конца 1980-х годов выступает ЛДПР, как последовала молниеносная реакция из самих же национальных республик, говорящих о взрывоопасности в очередной раз поднятой темы. *«Что, за последние 20 лет нам мало было конфликтов на национальной почве? Популист Прохоров зарабатывает себе политические очки, направляя людей друг на друга»*, – заявил замруководителя администрации президента Башкирии А.Галямов. Глава парламента Чеченской Республики Д.Абдурахманов был более категоричен: *«Господин Прохоров не так личностно в истории нашей страны, с подачи которого могло бы быть разрушено то, что было построено и достигнуто народами России столетиями. Кто он такой, чтобы говорить об эффективности или неэффективности национальных образований?»*

Конечно, Прохоров – только лидер пока мало заметной правой либеральной партии, позиционирующей себя как «третья сила». Но, как ни странно, вокруг него собирается часть политического класса, которая выступает за децентрализацию (в той или иной степени) управления страной.

Здесь и представители «реформаторской команды», затевавшие «перестройку-2», и выступающие за «политические реформы» – тот же глава ИНСОРА И.Юргенс, и некоторые лидеры «белоленточников», заявлявшие о необходимости изменения Конституции РФ и передачи максимума властных полномочий местным органам управления – например, сопредседатель РПР-ПАРНАС В.Рыжков.

Я уже сообщал читателю, что в кругу сторонников Прохорова оказался и регионалист Штепа. Более того, он стал одним из руководителей группы «Карелия за Прохорова». Одна из причин такого сотрудничества – поддержка Прохоровым идеи Штепы о необходимости региональных партий в России.

Но ведь карельский регионалист выступает не за отмену национальных округов и республик, как Прохоров! Он вроде бы требует обратного – полной самостоятельности этих самых округов и республик. Как же так? А вот так. Разумеется, налицо идейная нестыковка. Но факт остается фактом. Штепа, оставаясь регионалистом-разрушителем, поддерживает Прохорова. Почему? Потому что для Штепы в данном случае установка части российской элиты на изменение Конституции РФ – важнее всего остального. Плевать ему на то, в какую сторону эта элита собирается менять Конституцию. Он понимает – главное начать изменения. И сразу же все посыплется. И тут-то настанет для него желанный час! Тут-то и начнут реализовываться его проекты. Какие именно?

Один из этих проектов изложен в «Манифесте Конгресса федералистов», который появился на интернет-сайте Штепы в марте 2012 года. В этом документе, подписанном группой регионалистских движений, выдвигается

требование вернуться к положениям Федеративного договора 1992 года, дававшим широкие политические и экономические права национальным республикам. Так как этот документ является одним из источников регулирования федеративных отношений Конституции РФ 1993 года, и вокруг него в свое время разгорелись нешуточные страсти (которые сейчас вновь пытаются разжечь), то уделим внимание его содержанию, а также краткой предыстории и условиям его подписания.

Конец «перестройки», всё идет к распаду великой страны... С ноября 1988 года по декабрь 1990-го в союзных республиках СССР уже приняты декларации о суверенитетах.

После того как в августе 1990 года глава Верховного Совета РСФСР Б.Ельцин заявил региональным элитам: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить», – начался т.н. парад суверенитетов и в автономных республиках. Уже до ноября 1990-го там были приняты декларации о государственном суверенитете. При этом вопрос о выходе из состава РСФСР для большинства республик не стоял, а дальнейшее урегулирование отношений с Москвой предполагало заключение нового договора. Его заключение состоялось уже в новой реальности, после распада СССР и сопровождалось несколькими попытками разрушения территориальной целостности Российской Федерации.

Итак, 31 марта 1992 года был подписан Федеративный договор, состоящий из трех конституционно-правовых актов, регулирующих отношения между федеральным центром и органами власти субъектов Федерации. Один документ был подписан с республиками (за исключением Татарстана, Чечни и Ингушетии); второй – с краями, областями, Москвой и Санкт-Петербургом; третий – с автономной областью и автономными округами.

Субъекты Федерации получили согласно этому договору достаточно широкие политические и экономические полномочия. Например, в отношении национальных республик констатировалось следующее. Цитата:

«Республики (государства) в составе Российской Федерации обладают всей полнотой государственной (законодательной, исполнительной, судебной) власти на своей территории, кроме тех полномочий, которые переданы (отнесены) в ведение федеральных органов государственной власти РФ...»

Республики в составе Российской Федерации являются самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических отношений... если это не противоречит Конституции и законам РФ...»

Земля и ее недра, воды, растительный и животный мир являются достоянием (собственностью) народов, проживающих на территории соответствующих республик. Вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами регулируются Основами законодательства Российской Федерации и законодательством республик в составе РФ...»

Несмотря на получение субъектами Федерации немалых привилегий, подготовка и подписание Федеративного договора сопровождалась яростными атаками в адрес российской государственности со стороны национальных элит, зараженных сепаратистскими устремлениями и жаждущих «проглотить суверенитета», как можно больше. Приведем несколько наиболее ярких примеров, говорящих о том, с каким трудом удалось сохранить государственную конструкцию после распада СССР.

В феврале 1992 года депутаты Верховного Совета Карелии попытались вынести на обсуждение вопрос «о возможности выхода Республики Карелия из состава России». Лишь конструктивная позиция части местной элиты остановила этот процесс. В связи с этим эпизодом обратим внимание на то, что деятельность регионалиста Штепы, объединяющего вокруг своего движения «Свободная Карелия» сепаратистов из других российских регионов, имеет, как минимум, негласную поддержку со стороны сепаратистских сегментов российской элиты.

Далее.

Чечня под руководством Д.Дудаева, с 1991 года взявшая курс на выход из состава России, отказалась подписывать Федеративный договор. Более того, в октябре 1992 года в Грозном состоялся съезд горских народов Кавказа. На нем была принята декларация, призывающая к «денонсированию Федеративного договора с Россией» (который подписало большинство северокавказских республик) и созданию Конфедерации республик Северного Кавказа, включающей в себя также Ставропольский, Краснодарский края и Ростовскую область. В дальнейшем сепаратистская политика, проводимая Дудаевым и его окружением, стала главной причиной первой чеченской войны.

Татарстан, где в марте 1992 года прошел референдум о государственном статусе республики, также не подписал Федеративный договор, рассчитывая на заключение индивидуального соглашения. При этом тогдашний президент Татарстана М.Шаймиев заверял, что не собирается «выводить республику из состава России», а выступает за «обновленные отношения с Москвой», предполагавшие, разумеется, еще большую политическую и экономическую независимость Казани. Данная ситуация сильно встревожила федеральную элиту, обеспокоенную тем, что «дурной пример может оказаться заразительным» и для других субъектов Федерации.

Президент Республики Татарстан Минтимер Шаймиев и Президент Российской Федерации Борис Николаевич Ельцин (слева направо) во время церемонии подписания договора о разграничении полномочий между органами государственной власти России и Татарстана. 15 февраля 1994 г. Фото: А.Макаров, РИА «Новости»

В ноябре 1992 года принимается Конституция республики, в которой Татарстан объявляется суверенным государством. Переговоры о подписании документа, регламентирующего отношения с Москвой, дали результат уже после принятия Конституции РФ 1993 года. В феврале 1994-го был подписан Договор о взаимном делегировании полномочий, согласно которому Татарстан определялся как «объединенное с Россией ассоциированное государство с конфедеративным статусом». При этом Казань выторговала себя ряд дополнительных экономических привилегий.

«Татарский пример» с самого начала оказался, действительно, очень заразительным для башкирской элиты. 28 марта 1992 года, за два дня до подписания Федеративного договора, парламент Башкортостана выступил с требованием «признать собственностью республики все ресурсы на ее территории и предоставить ей полную самостоятельность в законодательной и внешнеэкономической деятельности».

Федеральный центр идет на огромные уступки. С председателем ВС Башкортостана М.Рахимовым подписывается спецприложение к основному договору, в котором предусмотрено выполнение всех требований башкирской стороны. Одной из причин, по которой Москва пошла на данный «компромисс», явилась информация, согласно

которой Татарстан и Башкирия начинают координировать свои действия в «борьбе за независимость». Так в конце марта группа депутатов из Татарстана выступила с проектом договора о создании Волжско-Уральской конфедерации со столицей в Уфе. Подчеркнем, что с данной идеей выступили не татарские националисты из ВТОЦ, а «народные избранники», приглашающие в данный сепаратистский проект Башкирию, Удмуртию, Чувашию и Республику Коми.

Таковы некоторые самые «горячие» эпизоды войны за территориальную целостность России вокруг подписания Федеративного договора.

В дальнейшем Конституция РФ 1993 года (на которую ныне посягают), взяв многие положения этого документа для регулирования федеративных отношений, ввела и некоторые принципиальные ограничения. А именно – закрепила верховенство своих норм над нормами Федеративного договора. То есть было заявлено о главенстве федеральных законов на всей территории страны и о недопустимости т.н. двухуровневого суверенитета Российской Федерации и ее субъектов.

А с 2000 года федеральный центр стал активно защищать «принцип равноправия субъектов Федерации» и приводить региональное законодательство в соответствие с федеральным.

Таким образом, получается, что одна из причин, по которой посягают на Конституцию РФ 1993 года, – это попытка разрушить тот «законодательно-правовой каркас», который удерживает субъекты Федерации в рамках единого государства.

Именно поэтому главное требование, содержащееся в «Манифесте Конгресса федералистов», подписанном Штепой и его союзниками, – возвращение к положению Федеративного договора 1992 года. При этом «российские федералисты» требуют новых возможностей для гарантированного распада России. Среди них: преобразование всех регионов в республики со «свободным правом выхода из Федерации», а также самостоятельное распоряжение «природными ресурсами и большинством собранных налогов»...

Аппетиты регионалистов и тех, кто стоит за ними, разгораются.

С одной стороны – все это... С другой стороны – альянс Штепы и Прохорова. Прохоров выдвигает новые предложения по изменению российской Конституции... Эти предложения порождают новые межнациональные конфликты... Конфликты нарастают центробежные тенденции. И тут-то настает время Штепы, который пролихивает свою идею губительного Федеративного договора.

Эдуард Крюков

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Победа нашего метафизического врага привела к тому, что разложение стало главным содержанием постсоветской действительности

Скверна

В субботу, 27 октября 2012 года прошлись партийные конференции КПрФ и «Справедливой России». На этих конференциях Миронов и Зюганов в одночасье сдали своих вчерашних либеральных поделников. Миронов, осуществляя сие, заявил, что «Справедливой России» не по пути с «теми, кто мечтает о либеральном реванше и жаждет просто смуты».

Сказавши это, скажи другое: «Теперь мы понимаем, какой ошибкой было наше заигрывание с этими силами в период с декабря 2011 года по март 2012 года». Ведь все помнят, как именно Миронов упивался тогда ношением белой ленты! Так наберись же элементарной честности! Ан нет!

Не покаившись, Миронов и Зюганов попали в метафизическую (и политическую!) трясину, гораздо более страшную, нежели та, которая засасывала их до 27 октября 2012 года.

Предвижу ухмылки: мол, они политики, а не монахи! – при чем тут какая-то метафизика?

Признание своей ошибки и готовность отвечать за нее – вот что такое покаяние.

И тут что метафизика, что политика...

Скверна, источаемая фильмом «Покаяние» (состряпанным по рекомендациям Шевардадзе) имеет и метафизический, и политический характер. Источник метафизической и политической скверны в том, что покаяния за коммунизм требовал член Политбюро ЦК КПСС. Сам же он вел себя, как вылитый антикоммунистический ангел. А задолго до него тот же номер исполнил Н.С.Хрущев. Казалось бы, заявив о злодеяниях сталинизма, он должен был бы застрелиться прямо на трибуне XX съезда. Но нет...

И начало смердеть... И потекла зараза лжи в естество людское. И зачала смерть от лжи. И стала беременной – как подобает смерти, возглавляющей политической карнавальное действо.

Антикоммунисты, они же высшие партийные боссы... Горбачев... Яковлев... Ельцин... Шевардадзе... Кравчук... Назарбаев... Каримов...

Они вели себя так, как будто вылезли из антикоммунистического подполья. И это им сошло с рук. Только ли им? Прибавим к высокопоставленным совпарработникам (вдруг обнаружившим свою неукротимую антисоветскость и антикоммунистичность) – столь же двусмысленных представителей нашей спецслужбистской элиты. А также их весьма широкую агентуру. Что тогда получим?

Что мы получим, коль скоро Солженицын, призывавший жить не по лжи, лгал, как сивый мерин? Скверну мы получим, вот что. Скверну как общий знаменатель всего на свете. Как подлинного метафизического и политического хозяина постсоветского мира. А что такое скверна? Это оружие в метафизической войне. Что атакует враг? Целостность.

Метафизический враг всегда использует скверну как своего рода радиацию, разлагающую ткань бытия. То есть целостность оного.

Победа нашего метафизического врага привела к тому, что разложение стало главным содержанием постсоветской действительности. Хотите зафиксировать изменения, ответив на вопрос, какой динамикой обладает эта действительность? Установите, что еще разложилось до конца из того, что перед этим находилось в полуразложенном состоянии.

Не признаете окончательно победы врага? Хотите метафизического (и политического) реванша? Что ж, сделайте тогда так, чтобы бактерии разложения не проникли в ваше естество – человеческое, политическое... Храните как зеницу ока внутреннюю целостность. Ищите других таких же, как вы. Создавайте микросоциальную целост-

ность – союз тех, кто не потерял целостность внутреннюю. И отдавайте себе отчет в том, что защита целостности предполагает ограду. Что необходимо ограждать от среды, падшей и разлагающейся.

«Отгородиться» – не значит «не соприкасаться», не участвовать в происходящем. Не будете участвовать – все вокруг вас разложится до конца. Толку ли тогда в вашей башне из слоновой кости?

Так что же надо делать? Примерно то, что делают люди, надевающие скафандры, дабы погрузиться в океанические глубины, выйти в открытый космос, ступить на землю чужой планеты, атмосфера которой не приспособлена к жизни таких, как они. Итак, программа такова.

Первое. Ты сохраняешь внутреннюю целостность сам.

Второе. Ты собираешь рядом с собой таких, как ты. И строишь плотные человеческие отношения именно на этой основе.

Третье. Ты выходишь в зараженный скверной мир так, как выходят в зону высокого радиоактивного заражения или на чужую планету.

Четвертое. Ты ведешь себя в зараженном мире реалистично, то есть понимая, что этот мир заражен. И одновременно идеалистично, то есть очищая мир от заразы.

Пятое. Ты не отождествляешь эту заразу с пострадавшими людьми. Ты продолжаешь любить людей и ненавидеть заразу.

Шестое. В пределе ты стремишься к тому, что очистить от заразы весь свой мир (максимум максимум – все человечество).

Седьмое. Ты мечтаешь о моменте, когда не надо будет носить скафандр. Но ты понимаешь, что даже когда этот момент наступит, враг может снова заразить твой мир, который ты сумел спасти с огромным трудом. То есть ты остаешься на войне. Ты понимаешь – враг может вторгнуться и начать насаждать скверну в любую минуту.

Восьмое. Ты понимаешь, что враг это может сделать по определенным антропологическим причинам. Что враг не только внедряет в естество людей эту самую скверну. Он еще и нащупывает ее в этом самом естестве. А значит, настоящая борьба с врагом – это борьба за глубокую трансформацию естества человеческого. За Красную весну, то есть за такую обновительность, при которой врагу будет в тысячу раз труднее нащупать скверну в человеческом естестве.

Вот что такое метафизическая война. Вести ее надо всегда. Но в условиях метафизического падения, породившего чудовищное разложение всех жизнехраняющих основ, единственным шансом на спасение является разогрев подобной войны до предельно яростного накала. В противном случае гибель неизбежна. Ибо сказавший «А» и падший на уровень «А», вскоре обязательно скажет «Б» и падет на еще более низкий уровень.

Бездна метафизического падения не существует отдельно от бездны политического падения. Это одна и та же бездна. Те, кто рушатся в нее сами, тянут за собой страну.

Сергей Миронов сказал очень правильные слова по поводу недопустимости альянса с силами, жаждущими либерального реванша и смуты. Но он сказал не все слова, которые должен был сказать. А не сказав всех необходимых слов, он пал еще ниже, нежели в период с декабря 2011-го по март 2012-го, когда он таскался с белой лентой на лацкане пиджака, обнимался с либеральным Зверем, алчущим реванша и смуты. Надо ли объяснять, что, побоявшись покаяния, он пал еще ниже? Что теперь его назовут трусом и предателем? Что ему припомнят тогдашнее... И так далее.

Итак, Миронов и впрямь пал теперь еще ниже, нежели тогда.

А пав еще ниже, он потянул за собой свою окончательно дезориентированную партию.

С.Миронов, зима 2011-2012 гг.

Г.Зюганов с С.Удальцовым, зима 2011-2012 гг.

Перехожу от Сергея Миронова к Геннадию Зюганову, который в тот же день на пленуме ЦК КПрФ заявил, что граждане России разобрались в скверности белоленточников, не представивших им свою программу и не сказавших, «за что борются, каким образом». «Если они и дальше за либеральный курс, противостоятственный для нашей страны, то граждан они уже не обманут. Это не оппозиция», – сказал Зюганов.

Спрашивается, когда именно разобрались в этом не граждане России, а сам Зюганов? Совершенно очевидно, что до 27.10.2012 он растерянно метался. И, выступая сам с осуждениями «оранжевой чумы», представлял своим соратникам все возможности для братания с этой чумой. КПрФовцы говорили о том, что Болотная и Сахарова – это самая что ни на есть оппозиция. И требовали, чтобы все исходило из такого представления о Болотной и Сахарова. А исходя из этого представления, строили с болотно-сахаровскими широкий и прочный оппозиционный политический фронт.

За что КПрФовцы клеймили «Суть времени» и лично автора этой статьи? За то, что мы категорически отказались это делать. Отказались сразу же – в момент, когда сила еще была на стороне Болотной и Сахарова. Что мы немедленно дали сахарно-болотным ту оценку, которую Зюганов дает только теперь. Сразу возникают вопросы:

- 1) Каково именно содержание «теперь»?
- 2) Кто именно сказал, что «теперь» это уже сделать абсолютно необходимо? Ведь не народ же? И не коллективный разум КПрФ? Вряд ли у КПрФ один коллективный разум со «Справедливой Россией»?
- 3) Если у КПрФ один коллективный разум со «Справедливой Россией», то что это за разум? И почему он вскипел именно в этот момент?
- 4) Разум ли это или чувство?
- 5) Если чувство, то какое именно?

Зюганов заявляет: «Удальцову я несколько раз (подчеркнуто мною – С.К.) говорил: «Тебя используют, твой характер, а потом вытрут о тебя ноги. Если ты отстаиваешь интересы трудового народа, интересы дружбы народов, идеалы справедливости, дорога в другой стан – к народно-патриотическим силам, а не прикрывать эту команду». И опять же, возникают вопросы:

- 1) Что значит «несколько раз говорил Удальцову»?
- 2) Когда именно говорил?
- 3) Как именно говорил? На ухо? Публично ничего сказано не было. А все остальное, как мы понимаем, не оставляет следов. Потому-то политик обязан говорить подобные вещи публично и своевременно.

4) Теперь КПрФовцы договорились аж до того, что это они дали зимой отпор оранжевой гадине. Ранее они говорили, что

«оранжевая гадина» – это выдумки Кургиняна и прочих «наймитов Кремля». Что теперь случилось с их... умом... честью... совестью... и так далее?

5) Если оранжевая гадина – это не выдумка Кремля, а реальность, то все знают, кто сломал хребет этой гадине. Ей сломала хребет «Суть времени». Белая лента, сожженная в ходе митинга на Воробьевых горах... Призыв собрать широкую коалицию на Поклонной... Успех Поклонной – и мгновенный разгром оранжевой гадины. И что теперь уподобляться мухе, говорящей «и мы пахали»? Не пахали, голубчики, а увиливали. Потому что боялись рисков, верили в могущество Запада, стоящего за спиной либералов, хотели к этому пристроиться – и пали. Теперь хотите пристроиться к «Суть времени» – и падаете во второй раз.

Ибо это мы в декабре 2011 года впервые бросили вызов силам, перед которыми Кремль трепетал. И взяли на себя все вытекающие из этого риски.

Это мы, не пойдя после этого в Лужники, организовали красный оппозиционный митинг на ВДНХ. И взяли на себя дополнительные риски.

Это мы приняли на себя все ваши поношения: КПрФовские, либеральные, удадьцовские, белковско-националистические и, конечно же, западные.

Мы просто сохранили внутреннюю целостность. То есть верность самим себе, своим идеям и принципам. Вот и все. И потому не пали. А вы пали дважды. И теперь в этом окончательно убеждает даже те, кому вы вкопонец задурили голову.

Хранить верность своим идеалам. Действовать, исходя из представления о скверности реальности и необходимости делать эту реальность менее скверной. Вот что такое вести одновременно метафизическую и политическую войну. Видишь скверну? Чувешь ее? Сражайся с нею. И, сохраняя трезвость, не требуй от реальности стопроцентной гарантии твоей победы. Такой гарантии не дает никакая реальность. А уж скверная-то тем более.

Мы увидели зло ювенальной юстиции. И стали воевать с этим злом не за страх, а за совесть.

Воевать – это значит трудиться. Мы взяли на себя труд сказать во всеуслышание о том, каков масштаб данного зла. Мы взяли на себя труд собирать в течение многих месяцев письма протеста против этого зла. Мы эти письма собрали. Мы правильным образом разместили содеянное нами в реальности. И отбросили ювенального врага.

Как поступали «другие»? Они побоялись труда. В решающий момент испугались проигрыша и отпрыгнули. Не буду называть этих «других». Они и так у всех на слуху. Но этим все не завершилось. Пав подобным образом, «другие» стали присваивать себе чужие заслуги. То есть пали еще глубже. А пав еще глубже, они стали источать еще сильнее соответствующий метафизический запах, что в высшей степени не способствует поддержке широких общественных сил. В итоге эти «другие» проиграли еще и политически, причем самым сокрушительным образом. Вот вам еще один пример того, как связаны метафизика и политика.

Подвожу итог.

Нас радует то, что Миронов отмежевался от белоленточников.

Нас радует то, что Зюганов от них отмежевался.

Нас радует, что «другие» обнаружили скверность ювенальной юстиции хотя бы в момент, когда чаша весов временно склонилась в антиювенальную сторону.

Но мы скорбим по поводу того, что побочным продуктом подобных своевременных обнаружений и отмежеваний неизбежно будет все большее разложение нашей действительности. И предлагаем всем, кто разделяет наше беспокойство, совместно отгораживаться от подобного разложения.

Сергей Кургинян